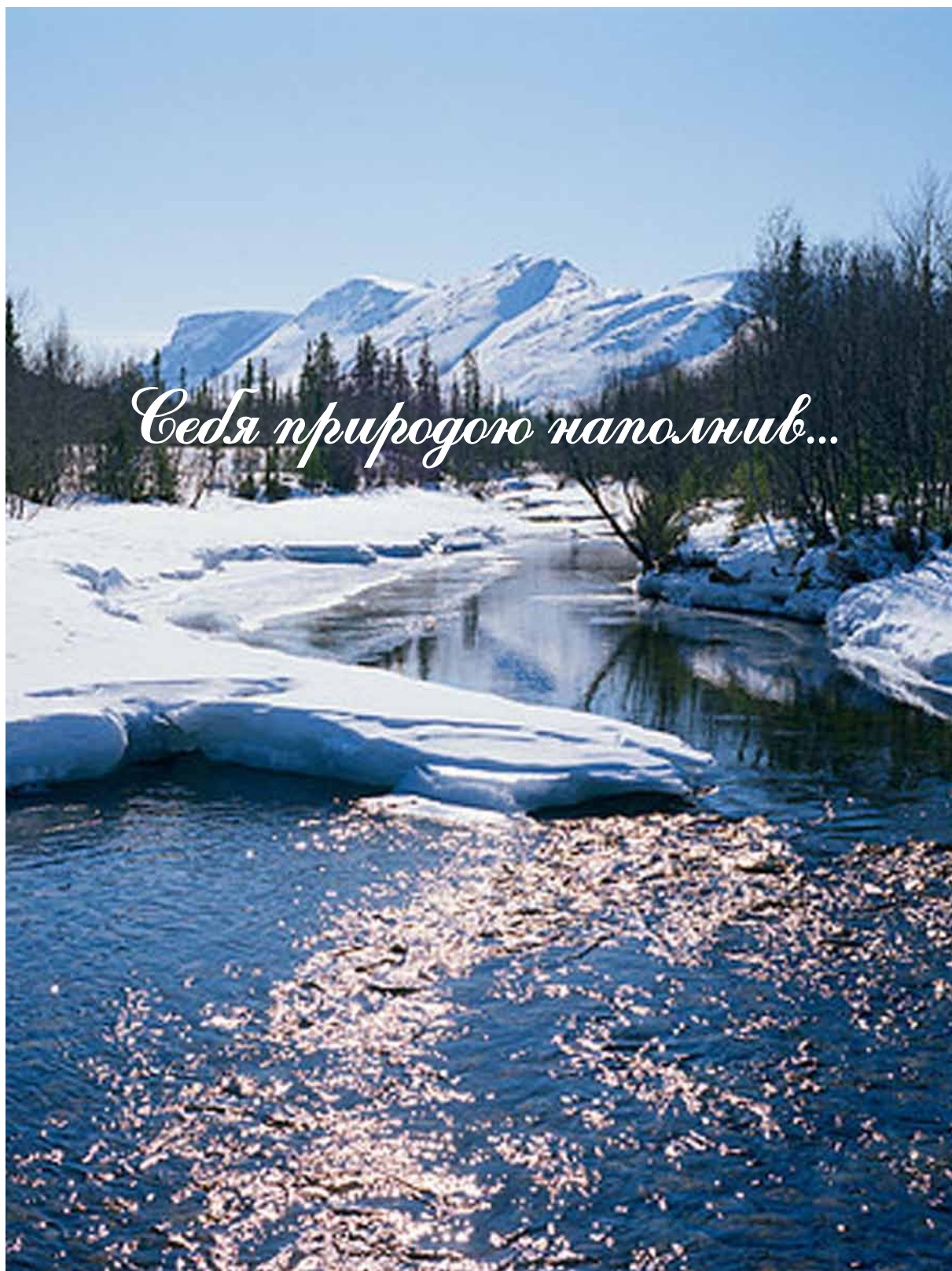

Себя природою наполнив ...

Геологический институт КНЦ РАН
Комиссия по истории РМО
Кольское отделение РМО

Седя природою наполнив...

Апатиты
2017

УДК 82.470:21
ISBN 978-5-902643-42-5

Себя природою наполнив... Литературный сборник / Сост. и ред. Ю.Л. Войтеховский. – Апатиты: Изд-во К & М, 2017. – 84 с.

В очередной литературный сборник, издаваемый Геологическим институтом КНЦ РАН, Кольским отделением и Комиссией по истории РМО к профессиональному празднику Дню геолога, вошли тексты Ю.Л. Войтеховского, А.А. Жамалетдинова, Н.Н. Карпова, Е.А. Коренькова, И.С. Красоткина, Е.М. Менгалёва и Ю.Н. Яковлева. Почти все авторы связали свою жизнь с Кольским полуостровом. Написанные в разных жанрах, тексты проникнуты любовью к геологической профессии и истории освоения Кольского Заполярья. Издание адресовано всем причастным к геологии, но в первую очередь – молодёжи. Ведь ей продолжать дело, которым создаётся благополучие России.

Электронный вариант книги доступен на сайте:
<http://geoksc.apatity.ru/publications>

Компьютерная вёрстка: Л. Чистякова, Н. Мансурова

Фото на обложке: Ф. Лашков
Фото в тексте: авторы, Интернет

© Коллектив авторов, 2017
© Кольское отделение РМО, 2017
© Комиссия по истории РМО, 2017
© Геологический институт КНЦ РАН, 2017

От редактора

Уважаемый читатель! Это уже 18-й томик беллетристики, с 2005 г. издаваемой ко Дню геолога Геологическим институтом КНЦ РАН, Кольским отделением и Комиссией по истории Российского минералогического общества. Приятно, что серия не прерывается. Хорошая традиция и не должна прерываться, как поток чистого ручья – надёжного спутника геолога в трудном маршруте.

«У нас есть хорошие традиции популяризации научных знаний, и, конечно, нужно использовать этот опыт. Уважаемые коллеги, я хочу обратиться к вам и, собственно говоря, ко всем российским учёным, преподавателям вузов, представителям бизнеса, которые тесно связаны с научной средой, активнее подключаться к просветительским проектам и в интернете, и на телевидении, в печатных средствах массовой информации, рассказывать о достижениях нашей науки, проводить популярные научные мероприятия, организованные на самых разных площадках, для людей самых разных возрастов, ориентированные на подрастающее поколение» [Путин В.В. Из речи на заседании Совета по науке и образованию при Президенте РФ 21 января 2016 г.].

В этот сборник вошли тексты Ю.Л. Войтеховского, А.А. Жамалетдинова, Н.Н. Карпова, Е.А. Коренькова, И.С. Красоткина, Е.М. Менгалёва и Ю.Н. Яковлева. Почти все авторы связали свою жизнь с Кольским полуостровом. Написанные в разных жанрах, тексты проникнуты любовью к геологической профессии и Кольскому Заполярью. Издание адресовано всем причастным к геологии, но в первую очередь – молодёжи. Ей продолжать дело, которым создано и длится благополучие России.

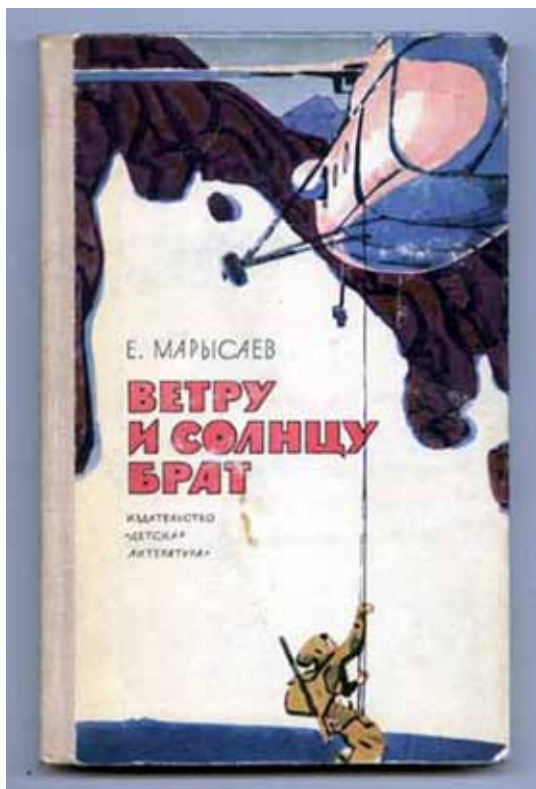
Войтеховский Ю.Л., д.г.-м.н., профессор
директор Геологического института КНЦ РАН
вице-президент, председатель Кольского отделения
и Комиссии по истории РМО

ВОЙТЕХОВСКИЙ Юрий Леонидович (род. 27.10.1960) – окончил геологоразведочный факультет Ленинградского горного института в 1982 по специальности «геологическая съёмка, поиски и разведка месторождений полезных ископаемых», математико-механический факультет Санкт-Петербургского госуниверситета в 1994 по специальности «математика», Центр геостатистики Высшей национальной горной школы Парижа в 1997 по специальности «матероновская геостатистика», доктор геолого-минералогических наук (1998), профессор (2006). Прошёл все научные и административные должности в Геологическом институте КНЦ РАН: ст. лаборант (1982), аспирант (1982), м.н.с. (1985), н.с. (1988), с.н.с. (1992), докторант Института геологии Коми НЦ УрО РАН (1995, досрочная защита в 1998), в.н.с. (1998), г.н.с. (2002), зав. лабораторией и зам. директора по научной работе (2005), директор института (2007), по совместительству – зав. кафедрой Геологии и полезных ископаемых МГТУ (2014) и врио председателя КНЦ РАН (2015). Главный редактор журналов: Тиетта (основал в 2007), Вестник КНЦ РАН (2015). Член редколлегии: Труды КарНЦ РАН. Сер. Геология докембрия (2013); Вестник МГТУ (2015); Минерал (2015). Основал две ежегодные всероссийские конференции: Ферсмановскую научную сессию (2004) и Научную школу «Математические исследования в естественных науках» (2005). Член научных обществ и творческих союзов: Российского минералогического об-ва (1986, председатель Кольского отделения с 2003 и Комиссии по истории с 2010, вице-президент и почётный член с 2015), Российского углеродного общества (2004), Индийского минералогического об-ва (2009), Российского геологического об-ва (2011, медаль им. А.Е. Ферсмана «За заслуги перед геологией» в 2013), Союза журналистов России (2011), Межведомственного петрографического комитета (2012), Российского философского об-ва (2014), Международной комиссии по истории геологических наук (INHIGEO, 2014), Русского ботанического об-ва (2016). Победитель конкурсов научно-популярных статей РФФИ в 2004, 2009, 2011, 2014. Основал научно-популярный лекторий под эгидой Главы г. Апатиты (2015) и традицию издания сборников беллетристики ко Дню геолога (2005). Научное кредо: в замыслах природы ищи алгебраические структуры. Жизненное кредо: торопись!

Ветру и солнцу брат

В холле библиотеке им. Л.А. Гладиной г. Апатиты есть этажерка с вывеской сверху: «Книга ищет своего хозяина!» Всякий раз не могу удержаться, чтобы не пересмотреть новых переселенцев. И почти всегда уношу с собой томик, напомнивший такой же из родительской библиотеки или пропавший без вести уже с моей книжной полки. А ещё питаю нежные чувства к журналу «Роман-газета». Помню, он легко скручивался в трубочку и плотно входил в боковой карман рюкзака. На привалах или вечерами у костра так уютно было прочесть страницу-другую! А ещё бывают встречи с книгами, которые следовало прочесть раньше, но не случилось...

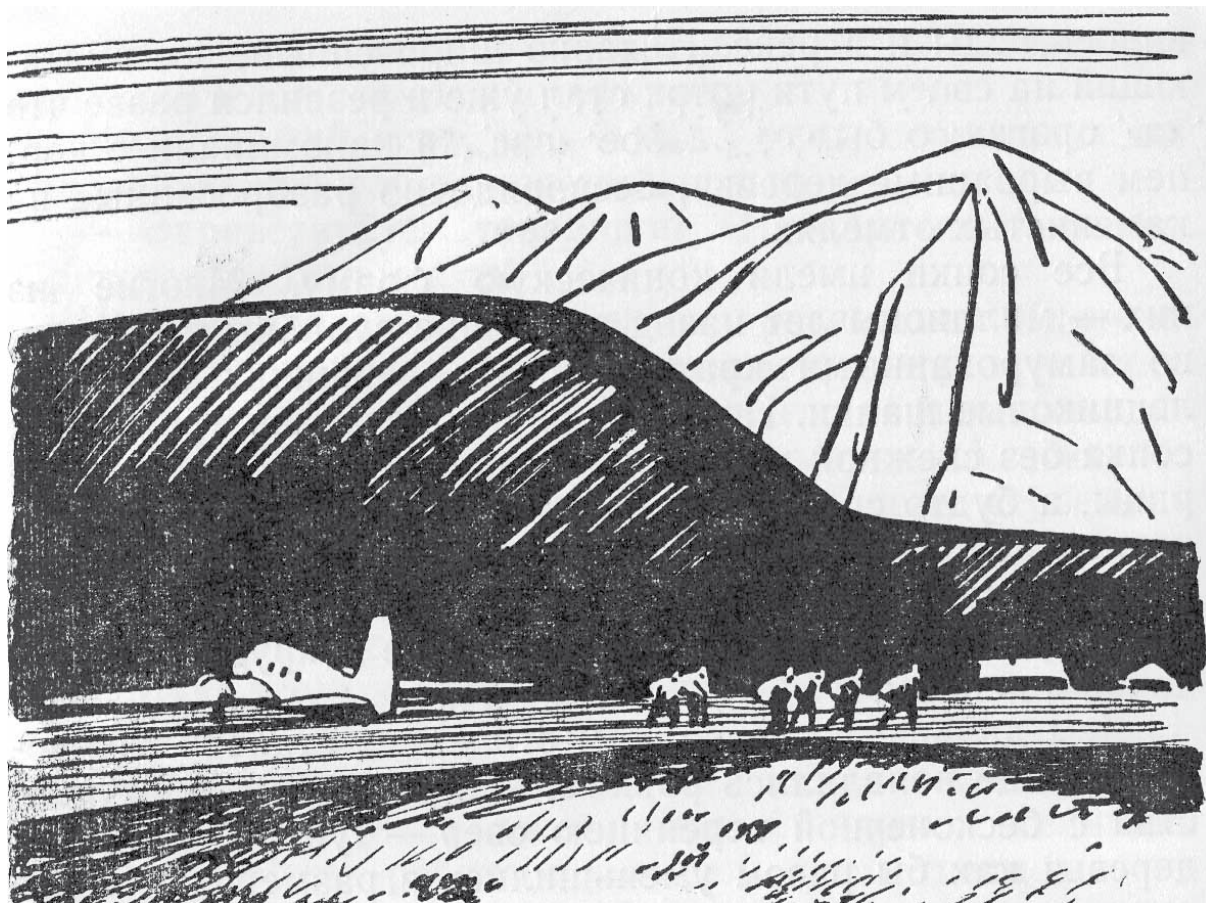

Передо мной именно такая книга – повесть «Ветру и солнцу брат» (Москва: Детгиз, 1974). Автор – Евгений Клеоникович Марысаев (1939-1983, рис.), писатель непростой биографии. Замечательные графические иллюстрации выполнил художник В. Юдин. Из аннотации: «Эта книга об удалённом уголке нашей Родины, Северной Камчатке, о смелых и мужественных людях – геологах. Нелёгкок труд этих людей: маршрут с утра до ночи по сопкам и хребтам, опасные встречи с таёжным зверьём... Трудные полевые условия

закаляют характеры героев, определяют их подлинную человеческую ценность. Многие страницы повести посвящены природе Северной Камчатки, суровой и неповторимой, повадкам зверей, населяющих этот дивный, пока ещё мало исследованный край».

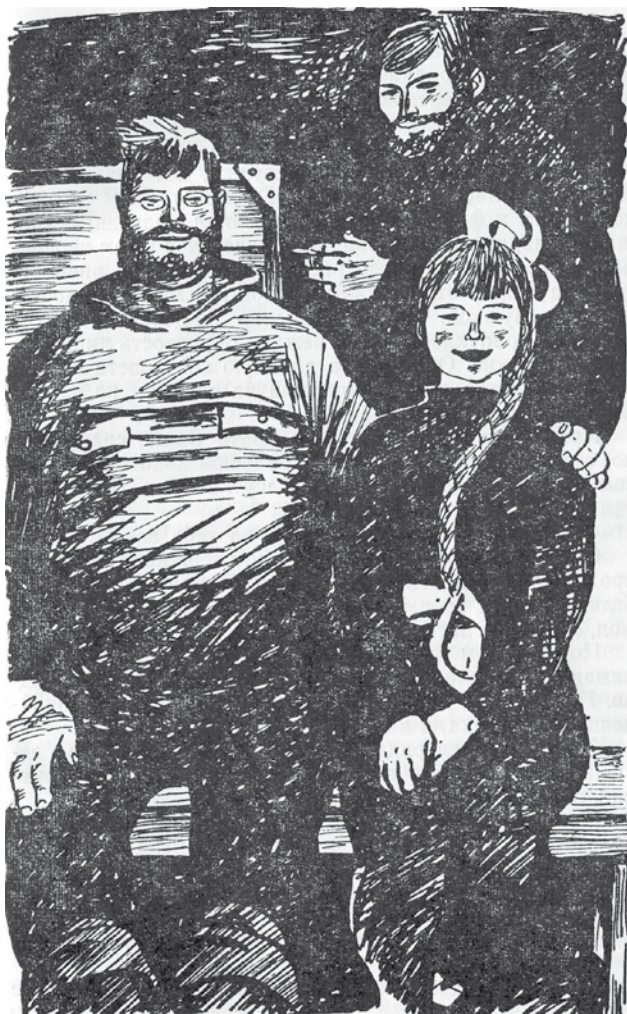
Книга для старших школьников. Но не постесняюсь признаться – прочёл её за вечер и не пожалел. Прочти я её в школьные годы – стал бы геологом. Впрочем, я и так стал геологом, получив от профессии все мыслимые удовольствия. Но тогда я стал бы им как-то иначе. С другой подачи, из других побуждений, вошёл бы в профессию через другую дверь, что ли. Одним словом, хорошая книга, простая, без сюжетных и языковых излишеств – как жизнь геолога в поле. И странное дело – написанная о Камчатке, она пробудила во мне вспышки воспоминаний не только об этом крае, но и об Уссурийском тоже, об Урале и, конечно, о Кольском Заполярье, ставшем судьбой.

И всё же – о Камчатке. Помню весну 1978 года. Заканчивался второй курс Горного института. Накатывала первая производственная практика. Длинный список заявок от горных предприятий и геологических экспедиций уже лежал в деканате. Можно было

заглядывать и выбирать, сообразуясь с рейтингом успеваемости. Но можно было и хлопотать о чём-либо особенном, экзотическом. Само собой, чем дальше – тем лучше. Не на подмосковный же карьер ехать, запасы гравия считать... Лично я по совету товарища очень хотел на Шпицберген. Снились его острые ледяные горы, у подножий – белые медведи, сам я – страшно мужественный, с ружьём и геологическим молотком – посреди этой красоты...

Шпицбергенская партия размещалась в подвале жилого дома неподалёку от Исаакиевского собора. И всё уже было сговорено

с начальником, но тут, как гром с ясного неба, пришёл запрос из Института вулканологии, что в Петропавловске-Камчатском. Надо ли говорить, что Шпицберген был отложен на потом, поскольку тогда на Камчатку попасть было архисложно. Незадолго до того, в 1975-76 годах, извергался Толбачик. Так вот бельгийский вулканолог Гарун Тазиев, побывавший на всех действующих вулканах мира, лишь полетал над ним и был увезен в Хабаровск. Скажете, чрезмерная строгость? Возможно, но так было, противостояли целые системы. Впрочем, они и сейчас противостоят, но на Камчатку попасть стало легко.

И вот я в Петропавловске-Камчатском. Самолёт замер неподалёку от здания аэропорта. Все спешат на воздух. Выхожу на трап и... создаю затор, обмерев от величественного вида Авачинского вулкана – Авачи, как его ласково называют местные жители. Кстати сказать, чтобы стать местным, надо уверенно различать Авачу и чавычу, нерпу и нерку, Эбеко и Набоко, мутовку и Мутновку...

Список можно продолжить. Эту шутку со вкусом – всяк на свой лад – рассказывают каждому приезжающему на Камчатку. Ещё помню огромный плакат, прославляющий местных оленеводов, добившихся небывалых результатов в разведении тучных оленьих стад. Наконец, помню свой первый шаг с трапа на землю. Было раннее утро, хотя и конец весны, но лужицы подёрнуты ледком... Вот я и шлёпнулся о бетонку, ноги взлетели выше головы. «Не расслабляйся», – подумалось в полёте, – «То ли ещё будет!»

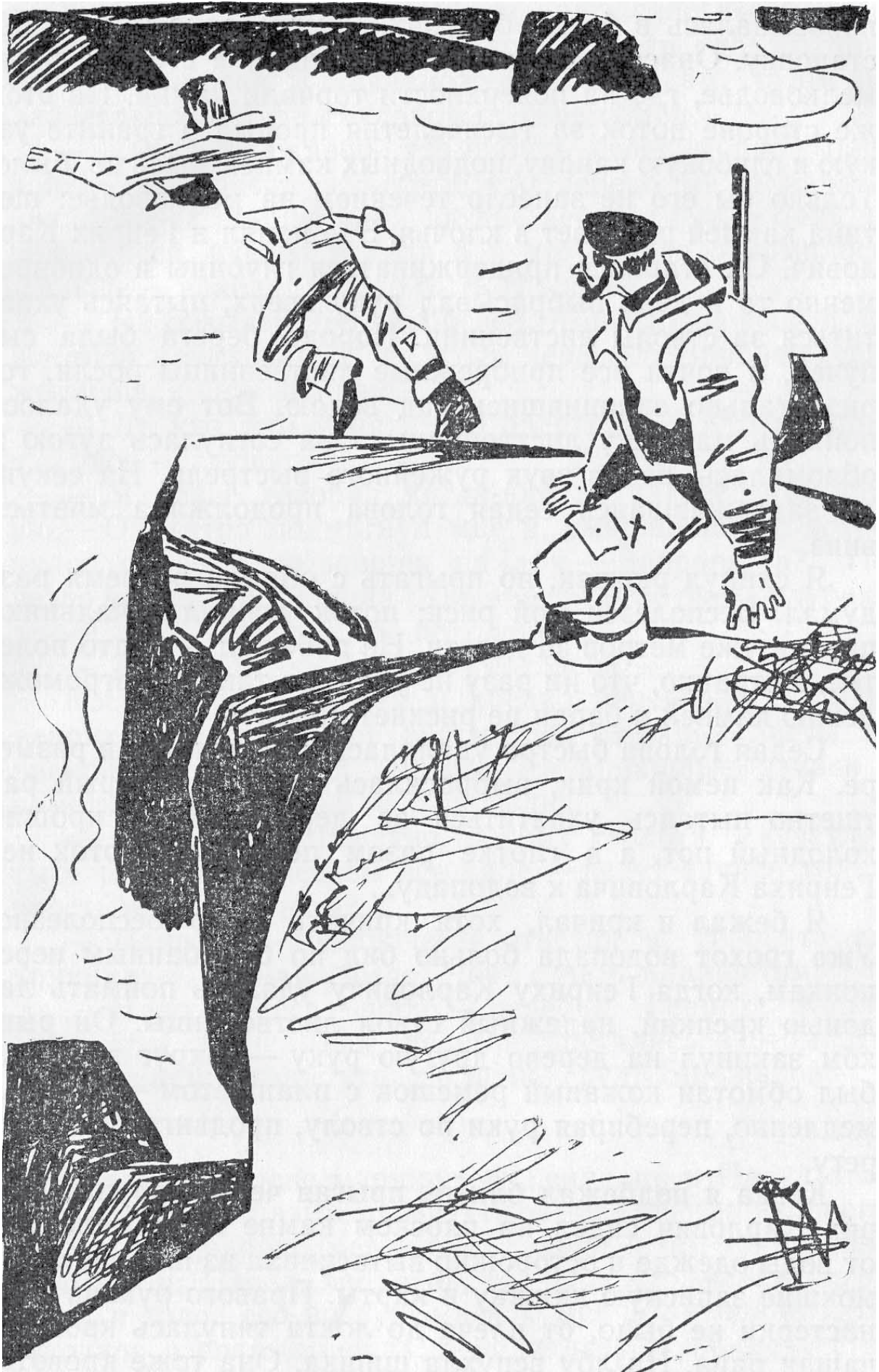

Вулканологи встретили меня радушно, как и принято у геологов всех мастей. Почти сплошь – крепыши и бородачи. На их фоне сложением выделялись трое: начальница Аэлита Разина, принятая

поварихой студентка-ихтиолог из Владивостока, и я. О начальнице надо бы написать особо, неспешно, ярко, да язык мой беден. Если коротко – миниатюрная женщина средних лет в аккуратно заштопанном, выдавшем виды геологическом костюме, непрерывно курящая какие-то тоненькие сигареты, держащая их особенным образом, изогнув правую кисть в запястье, что и придавало этому безобразию видимость благородства. Голубые глаза отсылали за аналогиями то ли к незабудкам, то ли к небу, а имя Аэлита – ещё дальше, за атмосферу, к фантастике А.Н. Толстого. Зато фамилия, как показали события, отражала характер решительный и непреклонный. Студентка была коренастенькая и какая-то со всех сторон кругленькая, с толстой косой. Готовила вкусно, быстро приоровилась к кострам. Я же был бледен и худ – результат отличной учёбы и разгрузки вагонов на ленинградских вокзалах в группе товарищей.

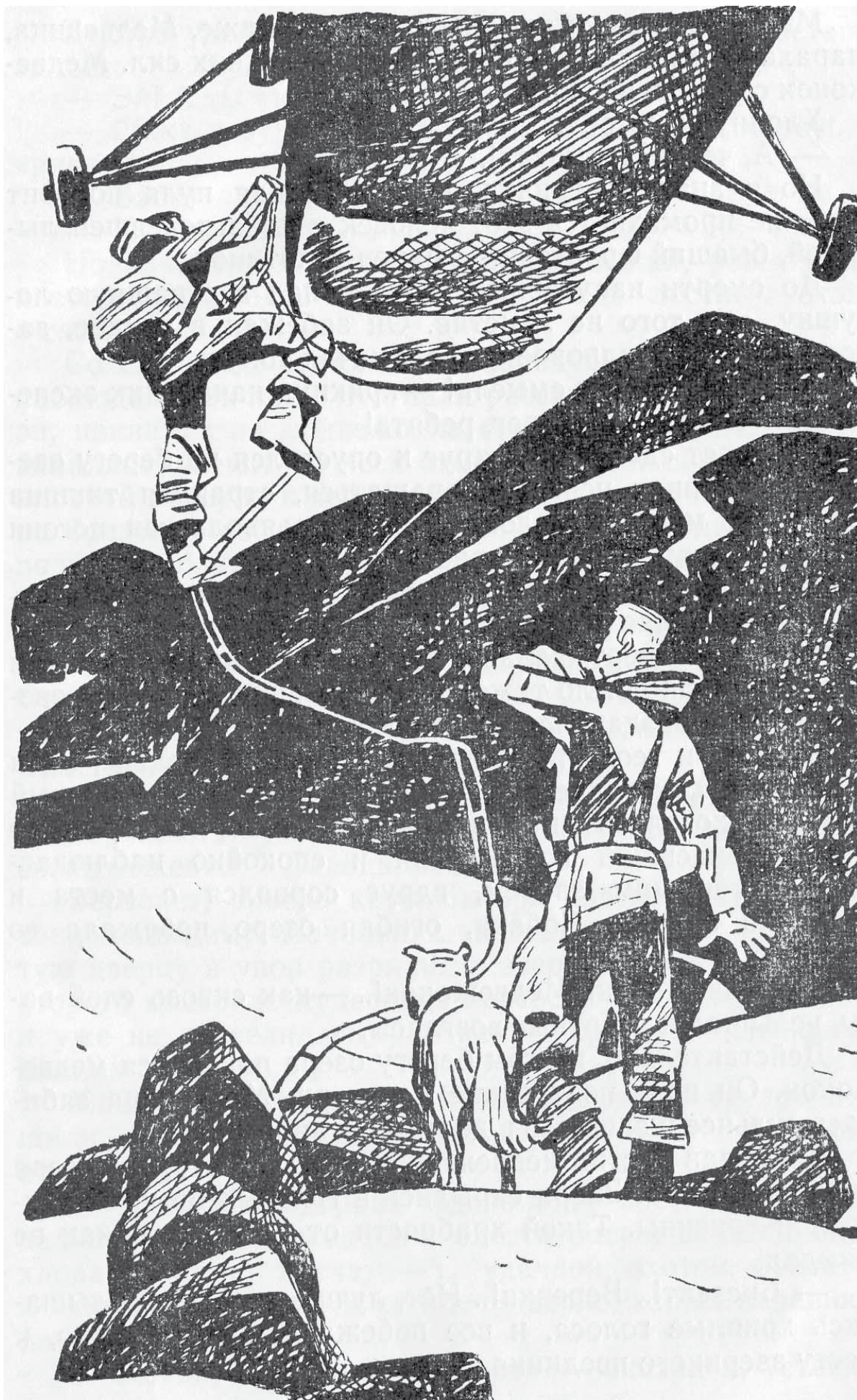
Мы именовались «Отряд по наземному контролю и обеспечению аэрокосмических полигонов»... Тут я поставил многоточие, чтобы и вы ощутили оторопь и сказали восторженное «вау!» Впро-

чем, это слово недавнего происхождения. Но и тогда я наверняка издал что-то этакое, прочитав название отряда на выданных мне пикетажах. «Бери, студент» - напутствовала Аэлита - «Справа внятно пишешь простым карандашом, слева красиво рисуешь им же, не перепутай!» И пустила в потолок кольцо дыма. О-о-о, это она делала виртуозно! А её кабинет между тем заполнялся вьючками, в отдельном – боеприпасы для ружей и фальшфейеры, спальниками, рюкзаками, рулонами крафт-бумаги, огромным количеством мешочков под образцы, несколькими огромными молочными бидонами, шанцевым инструментом, штырями со змеющимися от них проводами, какими-то приборами с циферблатами и прочая, и прочая... Можно было и поинтересоваться о ближайшей судьбе, но мне было всё равно. Отчёт по Толбачику прочитан дважды. Хватит теории, скорей бы уже на вулканы!

Отъезд в поле всегда наступает неожиданно. Назначен на завтра – найдутся причины задержаться. Отложен до понедельника – и вдруг команда к погрузке. Помню солнечное субботнее утро – загрузились в две грузовые машины и «полный вперёд»! Выехали за город. Проехали Халактырку – местный, в основном грузовой аэропорт, откуда стартуют «Ан-2» и вертолёты, развозя по Камчатке и островам геологов, рыбаков, оленеводов и всякие хозяйственные грузы. Едем дальше, вот и океан. Оказалось, к нему и ехали. Первый участок работ – пляж от Халактырки до погранзаставы Налычево.

«Чтоб я так жил!» - подумал кто-то про жизнь геологов на пляже. А не скажите, было всякое, в том числе работа до пота. Но запомнилось хорошее и весёлое. И уже пора объяснить, при чём тут «аэрокосмические полигоны». А именно в то время наматывал витки вокруг планеты белорус П.И. Климук, чем я – его земляк – страшно гордился. Под грифом «ДСП» в палатке начальницы мне было сообщено, что тот прямо сейчас – страшно сказать! – фотографирует Камчатку в широком спектре частот, в том числе в ИК диапазоне. А это значит, что мы должны найти эталонные объекты для надёжной идентификации, дешифрирования и последующего составления некоего Атласа, который мощным пинком двинет вперёд геологическую науку. Надо ли говорить, что, выйдя из штаб-палатки, я вытер пот со лба. Мир приобрёл иные краски, жизнь наполнилась смыслом, ведь судьба отечественной геологии зависела от нас...

Но вот что странно! Если всё так важно и «Для служебного пользования», то почему это сообщено мне при двух рабочих? Вскоре оказалось, что оба – кандидаты технических наук, один сконструировал холодильник нового типа, который тоже испытывал П.И. Климук, другой – спец по измерительным приборам. Приехали на Камчатку якобы в отпуск, мол давно мечтали, будут отдыхать и помогать нам в работе. Уж не знаю, сколько в этом было правды по сути, но внешне так и было. Я с напарником ходил в маршруты, москвичи отдыхали и лениво ковырялись в приборах, рабочие копали шурфы, повариха кашеварила, Аэлита нами руководила и сообщала новости из Петропавловска-Камчатского. Так прошли две недели.

Кстати, о космонавтах читаем и в повести Е.К. Марысаева (с. 129). «Говорит Москва! Работают все радиостанции Советского Союза. Слушайте сообщение ТАСС. В соответствии с программой исследований в околоземном космическом пространстве, сегодня в 21 час 51 минуту по московскому времени на орбиту искусственного спутника Земли выведен космический корабль «Союз»... пилотируемый экипажем в составе... С кораблём установлена устойчи-

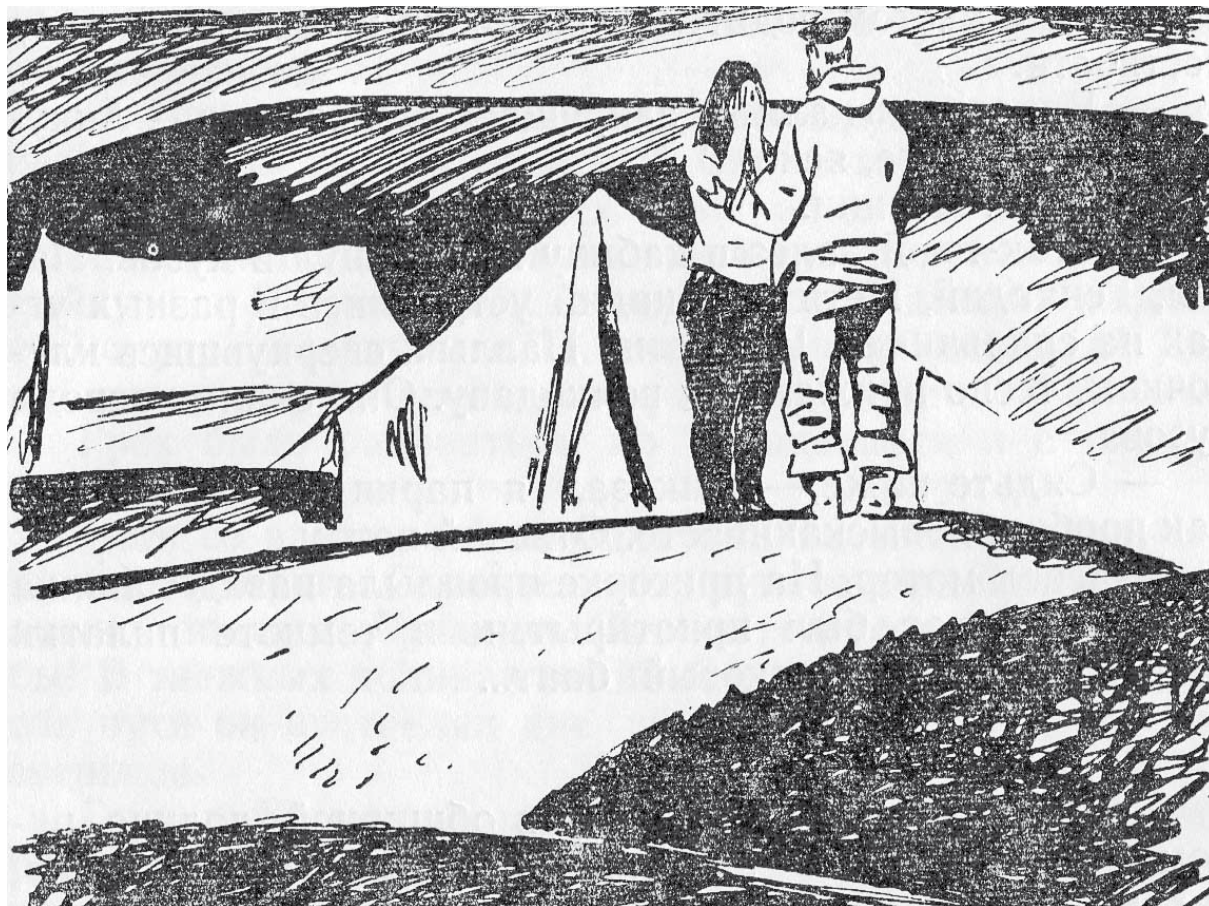

вая радио- и телевизионная связь... По докладу командира корабля, космонавты хорошо перенесли выведение на орбиту и переход к состоянию невесомости. Бортовые системы корабля функционируют нормально...» Примерно так и мы слушали у костра рассказы сведущих москвичей об удачах и неудачах отечественной космонавтики. Между прочим, П.И. Климук летал в космос трижды: на «Союзе-13» (18-26.12.1973), «Союзе-18-2» (24.05-26.07.1975) и «Союзе-30» (27.06-05.07.1978). Так может это о его первом полёте? О дате посадки мы знали заранее. И он сел день в день, укрепив авторитет рассказчиков в нашем маленьком коллективе.

Наши палатки стояли сразу за пляжем, на первой террасе, схваченной немощной дерниной. Метрах в десяти начинались заросли гигантского – просто парк юрского периода – шеломайника, в основном дудника и борщевика. Все были предупреждены о возможных ожогах. К местам поклонения были прорублены улицы и переулки. А маршруты проходили прямо по пляжу. Загоняли кувалдой в землю штыри-термопары параллельно береговой линии на глубину 0.5 и 1 м. На крайней точке некоторое время ждали, гоня любопытных тюленей с вечно улыбающимися усатыми мордами, на обратном пути снимали замеры и вырывали термопары. В камеральных условиях выявляли повышенный теплоток. Проверяли его дополнительными измерениями и фиксировали на карте. И так изо дня в день.

Было жарко, но ветрено. Ходили в шортах, поначалу – пока не обгорели – без рубашек. Было ещё одно неудобство. Сильные ветры создавали песчаные позёмки, которые больно секли голые ноги, между прочим, кристалликами титаномагнетита. У В. Павлинова есть строки: «На собственной мы познавали шкуре // Тяжёлую науку сопромат». Перефразируя, могу сказать: «На собственной мы познавали шкуре // Немалое по запасам россыпное месторождение титаномагнетита, // Которое очень хотели купить японцы, // Но мы им не продали, // Потому что запас беды не чинит...»

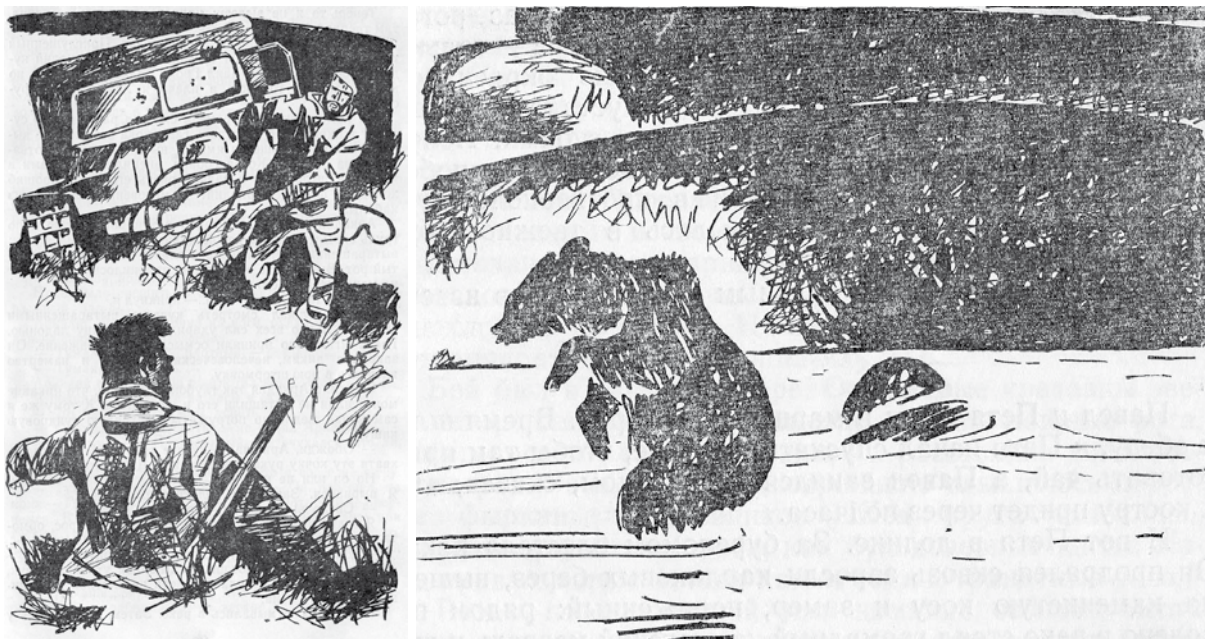
Что ещё запомнилось? Как уже сказано, маршруты с каждым днём становились всё длиннее, постепенно приближаясь к Налычевской заставе. И тут Аэлита придумала «ход конём». Используя прибывший из города «УАЗ», взяв с собой москвичей и меня, как бы нечаянно пожаловала к пограничникам. То да сё с начальником заставы, как бы нехотя согласилась рассказать воинам о вулканах,

москвичи добавили о космосе, я – о минералогическом музее Горного института. И вот результат – с завтрашнего утра за нами стала приезжать ГТС или БМП, иногда подбрасывали из маршрута в лагерь. Вскоре стало очевидно, что причина такой галантности – наша округлая повариха с косой. Но мы не ревновали. Ведь отныне мы были обеспечены красной рыбой, которую пограничники отбирали у браконьеров по соглашению с рыбнадзором.

Однажды мы участвовали в такой процедуре. Должен сказать, довольно гаденькое зрелище. Представьте: бросив снасти, петляет браконьер по высокому шеломайнику и не понимает, как это в сумерках БТР так уверенно его догоняет. Невдомёк бедолаге, что с высоченной вышки в прибор ночного видения за ним наблюдает пограничник и передаёт комментарий водителю. В конце концов рыбак увяз в болоте и поднял руки. Доброжелательные пограничники, позубоскалив, всё же подвезли его обратно к спрятанному мотоциклу, но сети с рыбой конфисковали и паспортные данные переписали. А на обратном пути на р. Половинке мы встретили медведя. Подходящее описание есть у Е.К. Марысаева (с. 111).

«... По колено в реке стоял громадный камчатский медведь и ловил рыбу. Второй день, как на нерест из моря пошла красная

рыба – кета, и добыча для зверюги была лакомой. Медведь неподвижно стоял и глядел в воду. На перекате в светлых струях тенью мелькала тёмная спина кеты – и он мгновенно бросался в воду. Но не так-то легко ухватить скользкую, с плотной, как жёсть, чешуёй кету. Зверь поднимался и вновь терпеливо замирал над рекою. Наконец, в цепких лапах забила рыба, и из брюха её брызнула ярко-красная маслянистая икра. «Хозяин», чмокая от наслаждения, высосал икру. Затем прокусил рыбе голову и выбросил её на берег. Медведь, очевидно, насытился и ловил уже про запас». Примерно так и было.

Ещё помню, как творчески отдыхали кандидаты наук. Вокруг палаток и вдоль всего берега в изобилии росла шикша, на Кольском её называют вороникой. Ягода довольно сочная, но кожура жёсткая, да ещё докучливые семечки застревают меж зубов. Одним словом, кто ходил по тундре, тот знает, что жажду утолить ею можно. Прямо на ходу зачерпнёшь её горстью, сдуешь листья, да в рот. Отожмёшь сок, проглотишь, а жмых выплюнешь. Вот и всё применение. Ан нет! Оказывается, ягода чрезвычайно сахаристая и витаминная. И если добавить сахару да дрожжей, да поставить неподалёку от поддерживаемого всю ночь костерка... А то ещё можно привязать молочный бидон крепкой верёвкой к лому, вколоченному в пляж, да бросить бидон в Тихий океан, чтоб его там швыряло всю ночь... И вот дня через три по возвращении из маршрута мы были удостоены большой кружки браги... Бр-р-р-р! Не случайно она так называется... Но творческие муки были оце-

нены. Пили более благородные напитки из вьючника, стоявшего даже не в продуктовой палатке, но служившего столом начальнице. На всякий случай...

В отряде было шесть мужчин, три Сергея и три Юрия. Это кажется странным, маловероятным, мистическим. Но сейчас речь не об этом. Аэлиту везде сопровождал её любимец Ося – молодой эрдельтерьер. Его настоящее имя мы так и не выучили – уж больно длинное, уходящее корнями в германское потомственное дворянство, хотя ближайшие предки – питерские. Это был третий Ося от одной и той же заводчицы. Первый прошёл с хозяйкой много полей и умер от старости, второй погиб при извержении Толбачи-

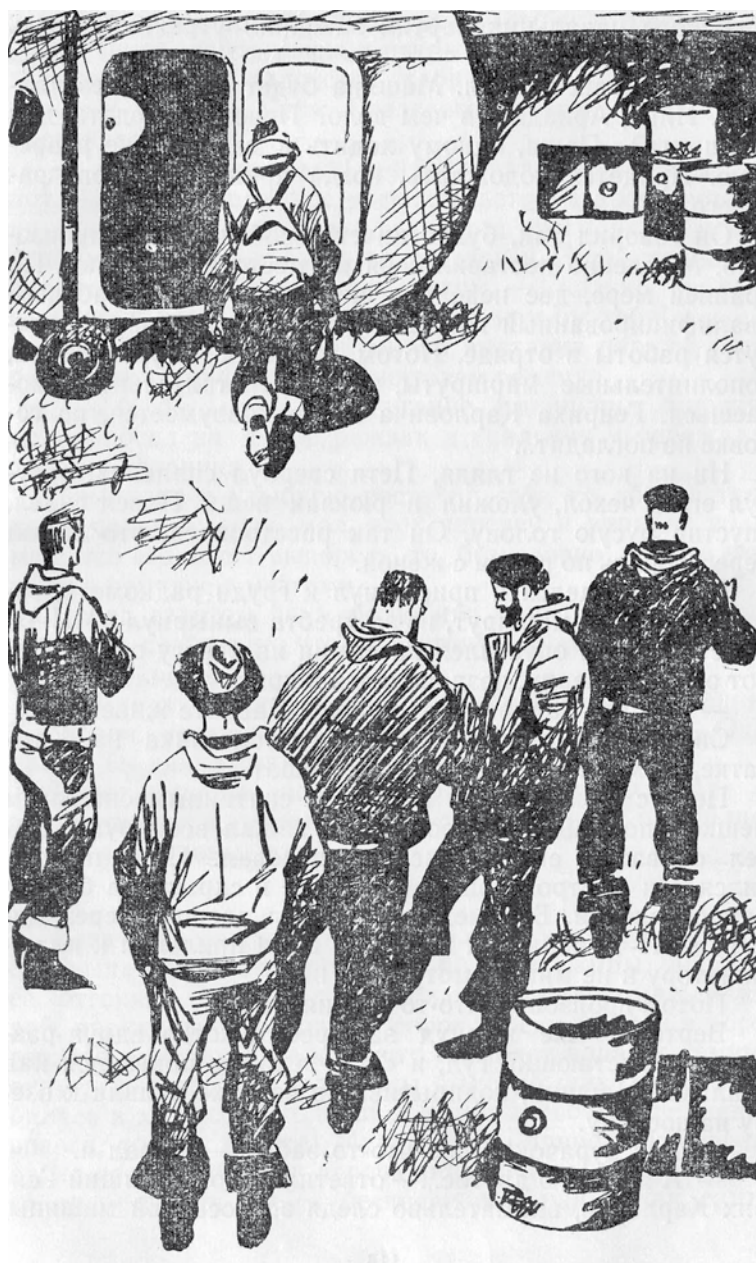
ка – попал под вулканическую бомбу. Но биографии предков вряд ли сделали бы Осю-третьего нашим общим любимцем, если бы не его собственный ум. Аэлита вставала рано, разжигала костёр, со вкусом закуривала утреннюю сигарету и спрашивала: «Ося, а кто сегодня дежурный? По-моему, Серёжа-младший. Разбуди-ка Серёжу-младшего». В одной из палаток тут же начиналось шевеление – названный Серёжа пытался поглубже зарыться в спальный мешок. Куда там! Под смешки соседей слышалась возня, рычание и, наконец, мольба: «Ну всё, уже встаю, убери свою мокрую морду от моей морды!» И ведь никогда не ошибался, собака!

Но самый яркий эпизод случился в конце нашей работы на пляже. Под вечер мы услышали звук мотора. Вроде никого не ждали. И всё же – к нам! Из-за кустов вынырнул «УАЗ». Ещё на ходу распахнулась дверца и, размахивая букетом полевых цветов, на песок лихо выпрыгнул Сергей Верченко – муж Аэлиты, оператор Камчатской телестудии. Между прочим, прыжок дался ему нелегко. Он тоже попал под вулканические бомбы, снимая извержение вулкана для Института вулканологии и телестудии. Хирурги уда-

лили часть икроножных мышц. И только ему было известно, чего стоили прыжки с улыбкой на лице.

Ясно, что гость прибыл не с пустыми руками, и разговоры у костра затянулись далеко за полночь. А в заключение произошло то, чего я совсем не ожидал. «Студент, говорят, ты хочешь поскорее попасть на вулкан? А хочешь уже послезавтра?» - спросил Сергей. «Лучше уже завтра, притомил этот пляж» - браво ответил я. «Завтра не получится, надо собраться и добраться до домика геофизиков у подножья Авачи. Идти будем ночью, чтобы на восходе солнца снять стенку кратера, залитую серой. Есть там такая стенка»... Должно быть, вид мой был забавным. Оказывается, это был план, согласованный с начальницей по радию, не допускаявший – ещё бы! – отказа с моей стороны.

Наутро выехали в Петропавловск-Камчатский. К маршруту на Авачу почти всё было готово, сборы были недолги. На следующий день добрались до станции геофизиков (сначала по грунтовке, затем по едва заметной колее, потом по сухому каменистому руслу ручья), перекусили, на несколько часов заснули, приказав хозяину разбудить перед сумерками. Ночь выдалась тихая. Сергей напевал что-то бравурное, предчувствуя удачную съёмку. Полная луна освещала набитую тропу. Над головой почти бесшумно прошелестела сова. Кстати, о сове есть у Е.К. Марысаева (с. 124). «Что-то ухнуло наверху, и приближающийся звучный крик заставил меня схватиться за ружьё. В следующую секунду это «что-то» мягко ударило по голове и метнулось прочь. Я догадался: громадных размеров белая северная сова. Она любит пугать всё живое». Нечто похожее произойдёт со мной через четыре года в Уссурийской тайге, а тогда над нами пролетела небольшая совка.

Кстати сказать, ружья с нами не было. На встречу с медведем не рассчитывали, груза и без того хватало, в случае чего рассчиты-

вали на фальшфейеры. Главный груз – тяжёлую рогатую кинокамеру, как её не клади, всё равно колет спину – тащил я. Подозреваю, что для этого я и нужен был в этом маршруте. Студент – он и есть студент, всё честно. Сергей шёл налегке, нёс продукты и кассеты с плёнками, часто останавливался и массировал мышцы ног. Стало труднее, когда кончился травяной покров и начался шлак. Два шага вперёд – один назад. Так и продвигались. А между тем в стороне океана сначала стал ощущаться свет, потом появилась золотистая линия горизонта – приближался рассвет, надо было торопиться.

Ну, вот и вершина. Впервые заглянуть в кратер вулкана – впечатления словами не передать! Вместе с научным пониманием геологической ситуации в сознании толпятся мифы, легенды, истории... - и это на фоне эйфории, ощущения чуда природы. И тут случилось ужасное. Со стороны, которая не была видна при подъёме, подкралась туча и быстро закрыла недавно выглянувшее солнце. Сергей едва успел снять грязновато-жёлтую стену кратера, которая – по замыслу – под лучами солнца должна быть золотой. Пошёл сильный дождь. Все спрятались в деревянной будке, предусмотрительно сколоченной кем-то под укрытием скалы, больше похожей на конуру для большого пса, чем на сарайчик.

Мне же не хотелось терять ни минуты! Подумал о том, что напишу в отчёте по практике, какие образцы приложу... Бааа, надо же взять образцы, ведь чуть не забыл! Эта мысль погнала меня в кратер по довольно крутой осыпи к фумароле, вокруг которой образовался приметный бугор самородной серы. И вот уже несколько хрупких штуфов завернуты в бумагу и аккуратно, почти с нежностью, уложены в рюкзак. Но рядом – ещё одна фумарола и ещё один красивый штуф... Першение в горле, резь в глазах, стук крови в висках и усиливающийся дождь подсказали, что пора и честь знать. И тут началось самое неприятное. Обводнённый вулканический пепел превращается в скользкую грязь. Делаешь шаг вверх – и едешь на два вниз. И это серьёзно, когда лёгкие того и гляди разорвутся, кашляешь и сплёвываешь кислую слюну непрерывно, ноги стали ватными... Помню, что на самой кромке меня подхватили руки товарищей, вовремя обнаруживших пропажу студента.

Дождь в тот день так и не прекратился. После нескольких часов сидения в будке, скрашенного байками, шутками над студентом и поеданием продуктов, было решено спускаться. Напоследок

зажгли по фальшфейеру. Спуск прошёл легче и быстрее. На кромке лугов встретили группу туристов, озабоченных вспышками огней. «Скажите, вы сверху? Вулкан не извергается?» Ну как тут не пошутить! «Начинал было, но вы же видите, какой ливень – его водой залило...» Поохотав и успокоив туристов, поспешили дальше. И вот уже домик геофизиков. Мокрую одежду – долой. Чтоб не заболеть – полстакана известного снадобья. И вот я в тёплом ватном спальнике. И снится мне сон, в котором мы долго идём по конусу, выходим на кромку, и перед нами – золотая стена кратера, освещённая ослепительным солнцем...

Кстати, сон геолога есть и у Е.К. Марысаева (с. 161). «Я стою в доисторическом папоротниковом лесу. На мне лишь тигровая набедренная повязка и ожерелье из тяжёлых клыков диких зверей. Волосы ниже плеч, цвет кожи бронзовый, как у индейца, а в руке копьё с каменным наконечником. Вокруг полыхают диковинные, громадных размеров цветы, на лианах вниз головами висят гориллы, в траве ползают змеи, высунув ядовитые раздвоенные язычки. Со стороны сопки, ярко блестящей на солнце снеговой шапкой, раздаётся треск, и я настораживаюсь. Кто-то ломится сквозь деревья. Из-за верхушек доисторических папоротников сначала показывается длинная и узкая, как челнок, голова, а потом и толстокожая шея динозавра. Пасть разинута, длинный узкий язык алчно облизывает морду. На меня устремлены светящиеся фосфорическим светом глаза. Я метнул в динозавра копьё. Оно угодило в зуб и разлетелось на мелкие части, не причинив чудовищу вреда. Динозавр двинулся на меня, и я побежал сломя голову. Вдруг ноги сделались как ватные, быстрый бег сменился медленным, как в замедленной киносъёмке. Чудовище настигало меня...» Здесь мне вспоминается повесть моего учителя в Горном институте, ленинградского фантаста А.И. Шалимова «Охотники за динозаврами». О нём – в другой раз.

Дальше была замечательная вторая половина поля на кальдере Ксудач, что на юге Камчатки. Но и об этом – в следующий раз. А повесть Е.К. Марысаева рекомендую старшеклассникам, выбирающим будущую профессию. Геология стремительно меняет облик. Но в ней всё ещё есть место романтике научного поиска и настоящего геологического маршрута. Дерзайте!

ЖАМАЛЕТДИНОВ Абдулхай Азымович – доктор геолого-минералогических наук (род. 10.11.1940). Окончил Ленинградский государственный университет, специальность – геолог-геофизик (1963). К.г.-м.н. (1976), д.г.-м.н. (1991). Работал в Центральном Казахстане (1963-1967), проводил электроразведочные поисковые работы методом вызванной поляризации. В КНЦ РАН с 1968 г. Специалист по электромагнитному зондированию с контролируруемыми источниками. В 1986 г. организовал лабораторию геоэлектрики в Геологическом институте и руководил ею до 1998 г. С 1999 г. работает по контракту в Геологическом институте – гл. научный сотрудник. Научные интересы: изучение глубинной электропроводности литосферы с мощными контролируемыми источниками (в том числе двойного назначения), геофизические исследования рудных полей (Печенгского, Мончегорского) и месторождений. Участвовал в уникальных проектах с МГД-генератором «Хибины», СНЧ-антенной «Зевс», промышленными ЛЭП «Колэнерго» и «Волгоград-Донбасс». В 1986 г. организовал в Геологическом институте КНЦ РАН лабораторию геоэлектрики, которой успешно руководил до переезда в Санкт-Петербург в 1998 г. Районы работ: Финляндия, Норвегия, Карело-Кольский регион, Украинский щит, Воронежский кристаллический массив, Забайкалье и Сахалин. Хорошая научная школа, встречи с выдающимися современниками, посещение различных регионов и знакомство с традициями многих народов – всё это сформировало у А.А. широкий кругозор и пристальный взгляд на мир. Накопленной мудростью он щедро делится с читателями. Уверен, что вы ещё встретитесь с ним на страницах наших изданий. – *Ред.*

Полевая подруга моя Марго и байки о ней

Полевая судьба, спустя многие годы, вновь забросила меня в далекий заполярный городок моей молодости Никель. Прошло 40 с лишним лет с той поры, когда мы проводили здесь полевые работы. Но с тех пор ничего не изменилось. Все тот же достопримечательный ресторан «Белые ночи» в центре города, все те же хрущёвские пятиэтажки, сменяющиеся по окраинам города черными бараками сталинской постройки. Вокруг Никеля теснятся голые обожженные сопки, и над всем этим возвышается медно-никелевый комбинат с тремя величавыми трубами финско-канадской постройки. Трубы были разрушены немцами при отступлении, а шахты затоплены. Все это было восстановлено в советское время.

Итак, я сижу в ностальгическом настроении на скамейке возле памятника Ленину, на круглой площади напротив кинотеатра «Космонавт», покуриваю свои любимые сигареты «Chesterfield» и вспоминаю нашу первую встречу с Марго. В ту светлую полярную ночь мы, молодые и озорные, проезжали на «козле»* поперек площади в нарушение всех дорожных правил и вдруг остановились, зачарованные открывшейся картиной. На площадь величаво выступила серая пушистая кошечка в белоснежном жабо и в светлых панталончиках. Она уже почти дошла до середины площади, как на нее с двух сторон набросились две овчарки. Кошечка не испугалась, а только напряглась и, фыркнув, подпрыгнула и вцепилась в морду одной из собак. Та в испуге отпрянула назад. После этого кошечка проделала тот же номер со второй собакой. Когда псы с позором покинули поле сражения, она так же величественно и спокойно отправилась к месту своего пребывания, к маленькому полуподвальному отверстию у подножья дома на углу площади. «Женя!» – сказал я совсем молодому водителю – «Эту красотку надо забрать с собой в поле! Она меня покорила. Она мне нужна. Она должна быть нашей!!» Красотка оказалась молодой и на редкость наивной, а Женя оказался на редкость сообразительным. Он сорвал букетик цветков и, тихо пошевеливая им, осторожно приблизился к кошечке. Соблазнившись букетиком цветов, кошечка легко дала ему возможность схватить ее и затащить в машину. «Вперед!» – крикнул я водителю. Далее началось невообразимое. Кошечка металась внутри машины, пытаясь вырваться на свободу, фыркала, сверкала глазами и царапалась, но все было бесполезно.

В один момент я даже побеспокоился, что она может порвать брезентовый тент машины

И вот мы в палаточном лагере в глухом печенгском лесу. Я открываю дверь и выпускаю кошечку. Выйдя на свободу, она сразу поняла безвыходность своей ситуации, быстро смирилась и даже далась мне в руки. Я нежно обнял ее, погладил и заглянул ей в глаза. И немигающий взгляд ее бирюзовых глаз запечатлелся в моем сердце на всю жизнь. У нее были удивительные светло-бирюзовые глаза с поволокой, окаймленные темной оторочкой. Вглядываясь в них, я как будто окунался в море и опускался на самое дно. Я назвал ее Марго. Она поселилась со мной в палатке, но каждой ночью уходила в лес на охоту. Добычу свою, обезглавленных леммингов, она аккуратно складывала у моего изголовья, а потом весь день отсыпалась на моей постели.

С той поры Марго стала моей верной неразлучной полевой подругой на долгие 8 лет. Я терпел ее неукротимый, буйный характер и терпел всех ее бесчисленных любовников. Регулярно она покидала меня и уходила «в загул». Я так же регулярно разыскивал ее по разным трупам, находил и приволакивал домой. Грязная и исхудавшая, она забивалась ко мне в постель под одеяло и глухим утробным воем выдавала мне секреты своей нелегкой любвеобильной жизни.

Один из полевых сезонов проходил в Ловозере. Я оставил ее на геофизической станции и уехал в дальний маршрут. Вернувшись, узнал, что Марго завела себе очередного любовника по кличке Цыган. Она поселилась с ним в заброшенной избушке и кормила его все теми же леммингами. Долго я бродил в зарослях и, наконец, нашел избушку в лесу и начал звать ее – «Марго! Марго!». Она долго не отзывалась, потом выглянула из верхнего левого слухового окна, фыркнула, потому что мяукать она не умела, и скрылась, давая понять, что еще не нагулялась. Чуть позже из правого слухового окна высунулся черный котяра по кличке Цыган, тоже что-то проворчал и скрылся. Только поздней осенью, уже по снегу, мне привезли Марго из Ловозера в кабине попутного самосвала, довольную и счастливую. Позже работники геофизической станции рассказали печальную судьбу Цыгана. Привыкнув к сытой беззаботной жизни, которой его обеспечивала Марго, Цыган совсем разучился добывать пищу самостоятельно, оголодал и пошел на опасное ремесло. Он начал воровать добычу у рыбаков. В конце

концов, его поймали на краже и пристрелили.

О приключениях Марго я могу рассказывать бесконечно долго и бесконечно много. Она была одарена, не побоюсь этого слова, богатым интеллектом. Она понимала меня с одного взгляда, с одного моего слова. Судьба носила ее вслед за мной по разным городам и весям. И вот, на восьмом году ее жизни в нашей семье, мы перевезли ее в Санкт-Петербург, куда временно переселились в связи с рождением второй дочери. Но и там беспокойная, ненасытная страсть к любовным приключениям не оставляла Марго в покое. И там она пропадала, а я искал ее по петербургским трущобам, звал, звал и ... находил и вытаскивал из подвалов.

Марго

Но однажды я уехал слишком далеко и оставил ее слишком надолго. Она сбежала, и все мои попытки найти ее, оказались тщетными. Со слезами на глазах я бродил по самым глухим переулкам и выкрикивал в темноту одно слово – «Марго! Марго!». Но никто мне так и не отозвался.

Прошел год. Мы вернулись жить в Апатиты. Наступила полярная ночь. Однажды, по обыкновению, я задержался на работе и возвращался домой в третьем часу ночи. Пушкинские фонари проливали жёлтый завораживающий свет на ступени лестницы, ведущей к Президиуму Кольского научного центра РАН. Мягкий снег крупными хлопьями опадал сверху на ступени, на фонари и на двух молодых людей, очевидно влюбленных и стоявших близко друг к другу. На руках у романтической девушки в каракулевой шубке виднелось какое-то светло-серое существо. Увидев меня, блоковская незнакомка спустилась по ступеням вниз и остановила меня. Я затормозил свой неразлучный байк**. «Молодой человек!» – обратилась девушка – «Вот милая кошечка, она совсем домашняя и

даже пахнет духами. Возьмите ее, она пропадет одна», – «Отлично», – сказал я, открыл заплечный рюкзак и усадил туда кошечку.

Дома открываю дверь, бужу жену и говорю: «Ларисочка, принимай подарок!» – вытряхиваю содержимое рюкзака, и оба мы замираем, пораженные – «Марго! Вылитая Марго!» То же белоснежное жабо, те же пушистые панталончики, тот же пушистый хвост с белым веером на кончике. Но главное, кошка ничего и никого не боится, бродит по комнатам квартиры как хозяйка. Беру ее на руки и вглядываюсь в нее. Те же уходящие в глубину светло-бирюзовые глаза с поволокой, обрамленные тёмной каймой. И только у левого глаза кайма в одном месте обрывается, всего на миллиметр. И это было единственное отличие от прежней Марго, которое я нашел у кошки и которое могло бы вызвать слабое сомнение. Но, в конце концов, думал я, кайму могли ей ободрать в драке ее же многочисленные любовники, боровшиеся за право обладания ею. Но как Марго могла преодолеть более чем тысячекилометровый путь от Ленинграда до Апатитов?! По зимней дороге! Эта мысль пугала и завораживала меня.

Внимательно осматриваем пушистое сокровище и не находим никакого отличия от Марго, даже в расположении пятен на ее пушистом одеянии. Но – обнаружили лишай на шее. На следующий день я повез ее к ветеринару, Врач осмотрел кошку, дал лекарства, а на прощанье выразил удивление: «С какой стати Вы называете его кошечкой? Это же кот!» Сомнения кончились. Очевидно, это один из многочисленных отпрысков Марго, которых мы усиленно раздавали своим друзьям и знакомым. А кот, мы его назвали Марк, оказался таким же любителем любовных развлечений, как и его мамаша. Уже через неделю сытой и спокойной жизни он яростно потребовал уличной свободы. Пользуясь своим правилом не лишать животных их естественных потребностей, я выпустил Марка на улицу, и он исчез, исчез навсегда.

Вот на этой романтической ноте я закончу свой рассказ о Марго, который на самом деле мог бы оказаться существенно длиннее и красочнее, но это уже тема для другого рассказа.

*козёл – легковая машина-вездеход ГАЗ-69 с брезентовым кузовом, основное средство передвижения геофизиков и геологов, поскольку обладает двумя ведущими мостами.

**байк – велосипед на жаргоне нынешней молодежи.

Байки о Марго

Крысы

В один из сезонов МГД-эксперимента «Хибины» наш полевой отряд камеральной обработки располагался в военном поселке «Спутник» и занимал деревянный барак. Все бы хорошо, но в подвальном помещении этого барака жили в большом количестве крысы, Они питались в недрах помойки, находившейся напротив дома. Крысы нервировали девушек камеральной группы, пугали их своей подпольной возней и отвлекали от работы. Кошке Марго тоже не нравилось это соседство. И вот в один из дней мы решили избавиться от крыс с помощью Марго. Мы запустили ее в подполье через проем у крыльца. Марго почуяла крысиный запах. Шерсть вздыбилась, она начала издавать утробный вой и медленно полезла в подпол. Мы, затаив дыхание, слушали глухие звуки битвы. Через какое-то время из-под угла противоположной стороны барака начали стремглав выбегать крысы. Они перебегали через дорогу и скрывались в глубине необъятной помойки. Победительница Марго вылезла из подполья вслед за убежавшими крысами. Я взял ее на руки и увидел, как кровь сочилась из ее правого надорванного уха.

«Берегите М'арго!»

В дом полевой камеральной обработки результатов эксперимента «Хибины» прибыл финансовый директор экспедиции Готфрид Сандович Стокманис, как всегда, слегка «под шафэ». Полюбезничал с девушками, а потом присел на диван, где возлежала Марго, и вальяжно потрепал ее по холке. Марго терпеть не могла пьяных, а в финансовых вопросах и вовсе не разбиралась. Поэтому зарычала в ответ на бесцеремонное обращение и вцепилась когтями в бедро финдиректору, едва не порвав штаны. Готфрид Сандович, человек глубоко интеллигентный, прибалтийского воспитания, нежно отцепился от кошковых когтей, встал и заспешил по своим делам. Но, поравнявшись с дверями, обернулся и произнес с латышским акцентом фразу, которая потом долго передавалась из уст в уста, : «Берегите М'арго».

Авитаминоз

Выкормив очередную партию котят, Марго без задержки заболела острым желанием подарить нам новое потомство. В эти периоды жизни, приходившиеся, как правило, на зиму, а зима длится в Апатитах больше полугода, Марго каталась по полу, крутила хвостом, выла и просилась на улицу. Дочки спрашивали: «Папа, что случилось с Марго? Что с ней происходит?». У меня родилось спасительное объяснение: «Это у нее авитаминоз!», в домовой книге появилась запись: «У Маргошки, у Маргошки, несмотря на снег–мороз неожиданно открылся страшный авитаминоз...»

Голубь

В один из ясных весенних дней мы распахнули все окна квартиры и наслаждались свежим воздухом. Вдруг Лариса позвала меня в спальную комнату. «Смотри, к нам залетел голубь!» Действительно, в противоположном углу комнаты у раскрытого настежь окна сидел на шкафу голубь и чистил перышки. Мы тихо любовались этим зрелищем, боясь испугнуть птицу, но в этот момент рядом появилась Марго. Мы глазом моргнуть не успели, как она стремглав, по диагонали пересекла комнату, одним прыжком взметнулась на шкаф и схватила голубя. Когда мы подбежали, чтобы спасти птицу, было уже поздно – Марго успела перехватить ей горло и птица была мертва.

Бедлингтон – терьер

В один из полевых сезонов наш отряд Геологического института КНЦ РАН располагался на геофизической станции Ловозеро. Там же поселились наши коллеги из Института геофизики Уральского научного центра РАН. Уральцев возглавляла Аза Григорьевна Краснобаева-Дьяконова. При ней был симпатичный голубоватый песик – бедлингтон-терьер. Она привезла его с собой из Свердловска, нежно ухаживала за ним и кормила изысканной пищей. Со мной была Марго. Марго привыкла быть хозяйкой там, где находился её хозяин, и поэтому сразу невзлюбила бедлингтона. Она гоняла его отовсюду, где он появлялся. Бедный терьер не знал куда деться. Аза некоторое время терпела эту ситуацию, а потом пришла ко мне с ультимативным требованием: – «Убирай кошку, иначе я уеду на Урал!» По счастью мы со своим отрядом вскоре перебрались на Спутник.

КАРПОВ Николай Николаевич – родился 26 апреля 1932 г. в Рославле в семье учительницы Ольги Сергеевны Сырейщиковой и инженера-путейца Николая Константиновича Карпова. В 1943 г. был угнан на принудительные работы в Германию вместе с бабушкой Клавдией Петровной Сырейщиковой. Вернулся из неволи в октябре 1945 г. После окончания школы с серебряной медалью в июле 1952 г. поступил на Географический факультет МГУ. По завершении учёбы был оставлен на кафедре Географии полярных стран, обучался в аспирантуре, но диссертацию не защитил из-за увлечения литературным трудом. С 1953 г. неоднократно приезжал в Хибины, сначала как студент-практикант, а затем как преподаватель. Работал в экспедициях в Забайкалье, Большеземельской тундре, горах Путорана и Ульяновском Поволжье. В 1962 г. пытался поступить в Литературный институт, но не прошёл творческий конкурс, хотя в это время песню «Едкий дым создаёт уют...» пели по всему Советскому Союзу. В январе 1968 г. перешёл на преподавательскую работу в МГЗПИ, сначала в должности ассистента, а затем старшего преподавателя. В мае 1979 г. после выхода в свет первой книги стихов «Северный базар» был принят в Союз писателей. Через 2 года оставил преподавание и сосредоточился на литературе. Любимые жанры – стихи, проза, художественный перевод, публицистика. Часть жанров вошли в ранее опубликованные сборники – «В краю, где поздняя весна», 2013 г., «Перекрёсток судеб», 2014 г., «Мы навечно вписались в Историю», 2015 г., «А где-то расцвела сирень», 2016 г., изданные к профессиональным праздникам «День геолога», и в научно-популярном журнале «Тиетта» Геологического института КНЦ РАН, Кольского отделения и Комиссии по истории Российского минералогического общества. – *Ред.*

По диким степям Забайкалья

Начнём с февраля 1957 года... Только что завершилась последняя сессия, впереди у меня и моих однокурсников написание и защита диплома, госэкзамен по истории КПСС, распределение... Только в кошмарном сне могло присниться, что я, выпускник кафедры полярных стран, вместо прохладного Севера поеду в знойные степи. Ведь от словоохотливой секретарши мне было известно, что пришла заявка с Хибинской географической станции на место лаборанта. Рассчитывая, что эта вакансия принадлежит мне, я всё-таки решил перестраховаться и поехал в Хибины, отложив написание диплома на некоторое время. Добравшись до Апатитов, пошёл «свататься» в Кольский филиал Академии наук. Приняли меня хорошо, но – увы – сказали, что места для меня у них нет. Вернувшись в Москву, я дописал и защитил диплом на «отлично», и во время защиты удостоился похвалы Марии Альфредовны Глазовской. Распределили меня, как я и ожидал, на Хибинскую географическую станцию. И мама со слезами стала собирать меня: купила из пенсии тулуп из кожзаменителя, валенки, носки и пару теплых кальсон. Но тут «власть переменилась», и на кафедре появилась вакансия младшего научного сотрудника, её предложили занять

мне. Мама уговорила принять предложение, и я согласился. В результате, вместо родной «Арктики», сел на поезд «Москва – Пекин», в составе только что организованной Забайкальской экспедиции в качестве начальника изыскательской партии. Шесть суток в поезде до Читы пели песни, играли в карты. От Читы на машинах добрались до Лиственной Горки, где предстояло изучать вечную мерзлоту. Купили дом для камералки, разбили палаточный лагерь, наняли повариху и принялись за дело. Как всегда, в полевом дневнике мирно уживались описания ландшафтов, наброски научных статей и заметок, строки стихов и прозы. Часть написанного предлагаю читателю...

Краеугольный камень книги –
Тобою прожитые миги,
Как ни крути и ни верти.
Они лишь то писать заставят,
Что годы в памяти оставят –
Иного просто нет пути.

В Сибирь!

Весна! И возгласы «останься»
Бессильно падают в траву,
Когда старинный ветер странствий
Вдруг нагнетает синеву.

В пока ещё белесом небе
Гудит, летит из края в край.
И забываешь вдруг о хлебе –
Тебе пространства подавай!

И быта мизерная малость –
Давно насиженная щель –
Осиротевшая осталась
В дыму за тридевять земель!

В Сибирь! Из тесного пространства
Земли, издревле обжитой,
Не почитая постоянство
Житья за принцип золотой.

Туда, в края иных преданий,
В простор широкий, ветровой,
Как современные цыгане
С шатром и вышкой буровой!

Там, с быстротой степного ветра,
Летят наполненные дни.
Ходи, выпрашивая недра –
Чем нас порадуют они?

И у костра, у ветровала,
Сиди потом до темноты,
Перебирая минералов
Окаменевшие цветы.

Чтоб во вкраплениях и нитях,
И в малой черточке любой,
Судьбу грядущую увидеть
Земли, разбуженной тобой!

Родник

Родник пробился из скалы,
Родник пробился.
Он долго из кромешной мглы
На свет стремился.

Пробил могучие пласты
Не скуки ради –
Он поит травы и кусты
В широкой пади.

Далек от праздной суеты,
Текущей в дали,
Забыл, как мощные пласты
Ему мешали.

Они – покрытия могил –
Ревут утробно.
А он о них уже забыл,
Забыл беззлобно.

Забыл, как много долгих дней
Наверх стремился.
Как символ Родины моей,
Родник пробился.

У заброшенного рудника

Здесь каторга была когда-то
В холмистой, ветреной степи.
В траве ржавеют жутковато
Обрывки порванной цепи.

Полуобрушенные своды
Ещё богатых рудных скал
Хранят донныне дух свободы,
Что здесь, подавленный, витал.

И всей степи великолепье
Твердит отныне навсегда,
Что силой порванные цепи
Срастись не смогут никогда!

В округе полночь, а светло, как днём.
Пустое небо ведро обещает.
Одна скала серебряным огнём
Дорогу мне к ночлегу освещает.
Остановись – дроби её и рой –
Для всех добудешь света минералы.
И торопись – ведь солнечной порой
Она похожа на другие скалы...

Лунный пейзаж в Забайкалье

Возникла белая луна
Над морем волн – округлых сопок.
Всевластье чувствует она,
И свет её совсем не робок.
И тени длинные легли,
И свет струится оловянно.
Навстречу, словно из земли,
Возник гигантский пласт тумана.
Заполонив широкий дол,
Укрыв собой кустов отрепье,
Он к диску лунному побрёл
Притихшей, стонущею степью.

Росла мерцающая мгла,
Росой растения обрызгав.
Природе мертвая жила
Своей таинственной жизнью.

Всё оказалось вдруг на дне:
Поля, дороги, сёла, тропки.
И островами при луне
В густом тумане плыли сопки.

Листьев косою лёт,
Иней, приход зимы.
Память меня ведёт
В серебряные холмы.

Вот замаячил сруб,
Возле двери – очаг.
Свежесть твоих губ,
Нежность в твоих очах.

Мягкая полутьма.
Мшист зимовья уют.
В сопки пришла зима.
А соловьи – поют!

Давно, ещё в молодые годы,
При виде праздника – зари
Спросил я краски у природы.
Она ответила: «Бери!»

Я брал и брал – душа пыталась
Восславить цветом бытиё.
Но у меня не получалось,
Как получалось у неё.

Она бывала гениальной
И дело делала с душой,
Когда горел закат прощальный
Над степью, сизой и большой.

И ты стояла тихо рядом
При свете пламенной зари.
И я тебе с последним взглядом
Всего и молвил: «Посмотри...»

И ты с печалью посмотрела –
Пришло прощание уже –
Как в небе пламенном горело
То, что забрезжило в душе...

Октябрь в Забайкалье

В морозных трещинах земля,
Печально пасмурное небо,
И ждут деревни и поля
Такого редкого здесь снега.

И я невольно снега жду,
Как ждёт лунатик ночи лунной,
Когда с работою иду
Землём, что кажется чугуновой.

Над ней бесчинствует мороз
В сухую жёсткую погоду,
И сжав в объятьях, вместо слёз
Наверх выдавливает воду.

Над ней висит тумана мгла
В сырой игольчатой прохладе.
И наледи, как зеркала,
Блестят почти что в каждой пади.

Вдали куртины ивняка
Печально, тускло серебрятся.
И только быстрая река
Ещё течёт – не хочет сдаться.

Снова безрадостен труд –
Право, смешная причина:
Речку Кручиной зовут,
Вот и напала кручина.

Запорошила дела
Жёлтой листвою монетной,
В дебри любви завела –
Тайной, слепой и запретной.

Двинуться дальше велит
Всё чернолесьем да чащей.
Что ж это сердце болит,
Как от любви настоящей?

Прошелестели года
В маленьких радостях быта.
Что ж это было тогда,
Раз до сих пор не забыто?

Раз возвратиться зовёт
Прошрое, словно пучина,
В край, где доньне течёт
Чёрная речка Кручина...

Солонечник

Озаряя сиянием дол,
Возвещая восточное лето,
Солонечник даурский расцвёл,
Словно солнце лилового цвета.

Я его для тебя не сорву –
Я давно уж цветов не срываю –
Позову поглядеть наяву,
Как природа ликует живая.

Как зовёт вместе с ней ликовать,
Распростившись с тоской и печалью,
И тебя целовать, целовать
В этой дикой степи Забайкалья...

Чтоб потом, за десятками лет
Неизбежной, ненужной разлуки,
Вспоминать солонечника цвет
И твои белоснежные руки...

Весенний пал

Идёт огонь весенней степью,
Она распахнута огню,
И всё её великолепье
Сгорает прямо на корню.

В пожаре, ветрами влекомом,
Гигантский видится погост:
Сгорают сонмы насекомых,
Сгорают сотни птичьих гнёзд.
Сгорает ветошь с семенами –
Живое, мёртвое горит.
А человек глядит на пламя,
Не ведая, что он творит...

Куда там? – уйти от судьбы.
Крепились четыре недели.
Внезапно «ушли по грибы»,
Обратно бредём еле-еле.

Несём – да помилуют нас –
На спинах листву и хвоинки,
В руках, ослабевших от ласк,
Бесстыдно пустые корзинки.

Судьбу ли, шиповник нашли? –
Не знаем и знать не желаем.
От солнца, что село вдали,
Мы солнцем брусничным пылаем.

Чемерица

*Я строил окопы и доты,
железо и камень тесал,
и сам я от этой работы
железным и каменным стал.*

Ярослав Смеляков

Как живу? – И сам не знаю.
Может быть, пора на слом.
Тихо время коротаю
В сладких думах о былом.

Поглощён холмистой далью,
Посох чувствуя в руке,
Вновь бреду по Забайкалью
Ранним утром налегке.

Возвращаюсь на закате,
В голубой степной тиши.
А в моей сосновой хате,
Как и прежде, ни души.

Лишь в окно моё глядится,
Словно что-то мне шепча,
Вся в созвездьях, черемица,
Как огромная свеча.

И, вдыхая воздух сладкий,
Как минувшую любовь,
Я рабочие тетрадки
Перелистываю вновь.

И пишу при свете свечки,
Избежав неточных слов,
О судьбе ничтожной речки,
Что течёт среди холмов.

Ей, такой по виду скромной,
Нерентабельной на вид,
Напоить завод огромный
И посёлок предстоит.

И она – настанет время –
Что-то бодро лопоча,
Стойко взвалит это бремя
На текущие плеча!

Потому скажу я смело,
Вспоминая о былом:
Раз я был причастен к делу,
Значит, рано мне на слом!

Лишь с понятною печалью,
Повторяя дальний путь,
Вновь бреду по Забайкалью,
Чтобы молодость вернуть.

Но она не возвратится,
Мне признания шепча...
И над нею черемица
Полыхает, как свеча...

Ходил, пока ещё ходилось,
Ходил вблизи, ходил вдали,
Воспринимая, словно милость,
Дары нехитрые земли –

Поляну, полную брусникой,
В еловой чаще – зимовьё,
Не принимая мысли дикой,
Что это всё вокруг – твоё.

Брал от природы понемногу,
Не был от жадности слепым
И не протаптывал дорогу
Там, где достаточно тропы.

Берёг неяркое цветенье,
А лишь дарил прощальный взгляд.
И мне казалось, что растенья
Вот-вот со мной заговорят...

Давно пора в поля податься
И там глядеть во все глаза,
Как в небе тучи громоздятся
И собирается гроза.

И созерцать зигзаги молний,
И слушать грохот молодой,
Себя природою наполнив,
Как речку ливневой водой!

КОРЕНЬКОВ Евгений Андреевич родился в 1938 г. в деревне под Смоленском. После окончания Миасского геологоразведочного техникума много лет работал в геологических партиях на Д. Востоке техником-геологом, проводил геологическое картирование и поиски олова. Параллельно с этим закончил Всесоюзный заочный политехнический институт в Москве, стал инженером-геологом. По состоянию здоровья в начале 1970-х перевёлся в Целиноградскую геологоразведочную экспедицию в Казахстане, где работал много десятилетий старшим геологом и начальником геологоразведочных партий. Занимался поиском и разведкой месторождений золота, меди и молибдена. Большая часть открытых за это время коренных и россыпных месторождений золота на территории работ Целиноградской экспедиции выявлены Е.А. Кореньковым. В дальнейшем работал геологом-консультантом в ряде фирм, изучал золоторудные объекты Китая и иных стран ЮВ Азии, Ю. Америки и Африки. – *Ред.*

И нет пути назад

Вспомнилось начало полевого сезона 1965 г. Ко мне на практику попросился Виктор, студент четвёртого курса геолфака МГУ. Проходил он у нас практику в 1962-ом, в конце декабря того же года стрелялся из-за несчастной любви из мелкашки. Пуля прошла в полтора сантиметрах от сердца. Месяц пролежал в больнице Склифосовского. Этот месяц мне пришлось провести между больницей и родными Виктора, забросив на это время сессию в заочном Политехническом институте, где я тогда учился. Сейчас Виктор – академик какой-то Российской академии и большая шишка. Что у него прострелена грудь, должен был знать только я, иначе в тайгу его не взяли бы ни под каким соусом.

Наша партия должна была проводить геологическую съёмку масштаба 1 : 50000 в верховьях Кура, в 200 километрах северо-западнее Комсомольска-на-Амуре. На базу партии из Комсомольска надо было провести лошадей, и начальник партии решил послать Виктора. Мои возражения, что нельзя посылать студента в такой опасный маршрут, не возымели действия. И тогда я вызвался возглавить это мероприятие.

В первых числах мая прибыли в Комсомольск, где нас ждал каюр (низкорослый якут) с тремя лошадьми и жеребёнком. Попро-

сив у меня три рубля якобы для приобретения необходимых в тайге вещей (мыло, майка, трусы), он тут же их пропил. В аналогичной просьбе на другой день я ему отказал, ограничившись рублём на завтрак в столовой. В полдень каюр попросил рубль на обед, а когда ближе к вечеру я дал ему рубль и на ужин, Виктор мне заметил, что теперь у него опять три рубля. Вечером, когда мы прогуливались по городку авиастроителей Дзёмги, мимо нас проехал милицейский мотоцикл, в коляске которого находился наш каюр с безвольно болтавшейся головой.

На другой день был назначен выход в тайгу, и я решил идти без каюра, с Виктором. Утром, когда мы, накормив лошадей, увязывали вьюки, появился каюр и сразу кинулся к лошадям. Увидев, что они накормлены, чрезвычайно обрадовался, объявил нам благодарность и бросился управляться с вьюками. Решил повременить с его отставкой.

От станции Малмыж, простившись с цивилизацией, начали углубляться в тайгу, к южным отрогам хребта Мяо-Чан. Вечером первого дня, накормив лошадей и устроившись с ночёвкой, решил распечатать одну из двух взятых мною бутылок 56-градусной водки (была тогда такая). Мы с Виктором выпили грамм по 100. Каюр категорически отказался и в дальнейшем за весь полевой сезон не принял ни грамма. Очень любил лошадей и оказался неоценимым работником, а я чуть было его не выгнал.

К вечеру пятого дня подошли к перевалу через Мяо-Чан. При камеральной проработке маршрута я рассчитывал прибыть к перевалу на третий, самое позднее – четвёртый день, но путь оказался тяжелее, чем мечталось. Часто попадались старые горельники, через которые приходилось прорубаться топором. К тому же во второй половине дня, как по расписанию, зачастили грозовые дожди, довольно холодные в это время года. Назавтра предстоял решающий, судя по карте, участок пути. Поэтому решили дать лошадям слегка усиленную норму овса, которую мы в последние два дня, в связи с наметившейся задержкой, изрядно урезали. Заодно перешли и сами на режим строжайшей экономии продуктов. Привязав лошадей к деревьям отдельно друг от друга, первую порцию овса дали Гвардейцу – сильному умному жеребцу, несшему основную часть груза, вторую – кормящей матери с жеребёнком. Третья лошадь – ветеран лет под двадцать – в ожидании своей порции страш-

но волновалась, ржала и дёргалась у привязи. Когда и ей принесли её долю, с ней случилось что-то типа истерики: она задрожала, начала хватать губами овёс, но есть сразу не могла, я уже начал тревожиться за её жизнь. Но она сумела справиться с волнением, и ужин закончился благополучно.

С рассветом завьючили лошадей, причём старой оставили только вьючное седло, к которому приторочили убитого мною при выходе из лагеря рябчика. Остальной груз распределили между Гвардейцем и кормящей матерью. Да и груза осталось не так много: палатка, спальные мешки, толика овса, немного риса, чай, сахар, одна-две банки тушёнки. На перевал вела старая тропа, проложенная геодезистами. Я шёл впереди с топором, освобождая тропу от упавших деревьев, за мной самостоятельно шёл Гвардеец. Виктор и каюр вели в поводу остальных, жеребёнок держался матери. Тропа забиралась вверх всё круче, всё чаще приходилось выбирать площадки для отдыха. Гвардеец останавливался, тяжело дыша, с сознанием необходимости и неизбежности дальнейшего пути. Глядя на меня, отиравшего пот с лица, своими большими умными глазами, он как бы говорил, что ничего, мол, прорвёмся. Пару раз приходилось развьючивать лошадей, проводить их в поводу по краю пропасти, самим перетаскивать вьюки и снова навьючивать.

К полдню выбрались на перевал. Оказалось, что снег здесь ещё не стаял, но было его не много, сантиметров десять. Решили дойти до притока Кура, где надеялись подкормить лошадей прошлогодней травой и пообедать самим болтавшимся у седла пенсионерки рябчиком. Перекурили с Виктором, каюр оказался некурящим, в окружении молчаливо стоявших и вроде бы понимавших,

что и нам тяжело, лошадей, и двинулись дальше на север. Снегу становилось всё больше, скоро пришлось идти по колена в снегу. Добравшись до ручья – левого притока Кура, приободрились: приток представлял собою наледь со стаявшим под майским солнцем снегом, идти по нему было относительно легко. А идти было надо: овса осталось чуть-чуть, прошлогодняя трава закрыта снегом. Надо было прорваться на правый берег Кура, где была надежда накормить лошадей.

Ночевать пришлось на льду: нарубили молодых ёлок, расстелили на них спальные мешки и сверху поставили палатку. Дали лошадям по мизерной порции овса, сами ограничились сухарями с чаем (один рябчик на троих не в счёт). Утром проснулся от холода и какого-то света. Выскочив из палатки, увидел, что всё покрыто снегом: палатка, кострище и лошади. Те стояли, как перевернутые пирамиды: четыре ноги в одной точке, я никогда такого не видел. Быстро собрались, очистили спины лошадей от снега, навьючили их и двинулись на север. Как всегда, я шёл впереди с топором в руках, очищая путь для лошадей. Скоро вышли на марь, где почва ещё не оттаяла и снегу было мало. Идти было бы совсем хорошо, если бы не встречный ветер с мокрым снегом. Подошли к Куру и погрустнели: переправа предстояла нелёгкая. Надо было кому-то

переправиться на другой берег, чтобы выбрать место для вывода лошадей. Топором свалил лиственницу, удачно упавшую вершиной на другой берег, и по ней успешно форсировал Кур. Виктор в этот момент, как признался позже, закрыл глаза и молился какому-то богу. Нашли приемлемое место для переправы: пологий вход в реку и ниже по течению – пологий выход, но как это объяснить лошадям? Виктор оказался на высоте: скрутил верёвку (непонятно почему оказавшуюся в нашем багаже) в круг и бросил мне, как матросы кидают швартовые. С третьего захода удалось связаться с противоположным берегом. Течение было не шуточное (середина, точнее 17 мая), глубина реки не известна, поэтому первой решили переправить пенсионерку как наиболее дешёвую в моей ведомости лошадь. Но всё обошлось благополучно: на середине реки лошадь потеряла дно, но, протащившись за верёвкой метра два, успешно выбралась на берег. Каюр и Виктор переехали речку верхом на лошадях. Мысленно распрощался с жеребёнком, но он кинулся за матерью и под её прикрытием успешно преодолел преграду.

Дальше предстояло идти по правому берегу Кура, где километрах в двадцати находилась база партии. На топокарте километрах в двух от переправы горизонтали угрожающе сгущались. Я вслух высказался, что если будет прижим, где река подмывает скалы, которые надо либо обходить, либо форсировать речку, то я застрелюсь. Через километр пути впереди стал слышен всё усиливающийся шум реки. Виктор попросил у меня пистолет. «На кой чёрт он тебе нужен?» «Люблю ходить с оружием». «Не волнуйся, никуда я не денусь». Скоро подошли к отвесной скале с бешено несущимся у её основания потоком. О форсировании речки, принявшей на пройденном отрезке два левых притока, не могло быть и речи. Надо было подниматься по залесённому склону с нестаявшим снегом и обходить прижим по верху. Решили передохнуть и согреться у костра. Нарубил сухостоя, надрал бересты, но спички оказались размокшими. У Виктора был завёрнутый в полиэтилен коробок, но у него настолько окоченели руки, что он не смог достать его из кармана. Достав у него коробок, с удивлением обнаружил, что окоченевшие пальцы не держат спичку. Чтобы зажечь её, пришлось прибегать к помощи зубов. И это после работы топором при добывании топлива! Лошади в ожидании костра стояли, как и утром: четыре ноги в одной точке, видимо, так им было теплее.

Костёр пришлось разводить большой (благо сухоостою поблизости было много), так как вместе с нами отогревались и лошади. Сперва они отогрели лица (хоть и говорят «лошадиная морда», но к этим лошадям с печальными умными и всё понимающими глазами это выражение не подходило), потом, поворачиваясь вокруг себя, стали отогревать остальные части тела. Жеребёнок видел такой большой огонь первый раз в жизни и боялся, пришлось насильно притащить его к костру. Когда он почувствовал тепло, его пришлось удерживать от огня и, когда на нём начинала уже подгорать шерсть, разворачивать к костру другим боком. С чаем возиться не стали: было уже четыре часа дня, а прижим нужно было обойти засветло. В тайге и по тропе ночью идти опасно – можно оставить на ветке свой глаз или распороть о сук бок лошади. Да и как пить чай перед голодными глазами лошадей?

Немного вернулись назад и полезли по залесённому склону, где под зелёным шатром елей и сосен ещё лежал нестаявший снег. Опять, освобождая путь лошадям, пришлось изрядно поработать топором, что замедляло продвижение на юго-запад. Обойдя прижим, долго шли вдоль крутого берегового обрыва высотой метров восемь, не находя приемлемого места для спуска лошадей. В конце концов пришлось их развьючить, вьюки пустить вниз по склону самокатом, а за ними первым заставить спускаться Гвардейца. Тот благополучно, как на лыжах, съехал по мерзлоте, оставляя за собой борозду оттаявшей на глубину 8-10 см почвы. Остальные лошади без особых раздумий последовали его примеру.

На ночлег устроились, как и в предыдущую ночь: нарубили молодых ёлок, поперёк них расстелили спальные мешки и сверху натянули палатку. Утро встретило нас чистым небом и тёплым майским солнцем. Сварили рисовую кашу с последней банкой тушёнки, лошадям отдали последний овёс. Если верить карте, до базы партии оставалось километров восемнадцать. Беспокоили три ручья – правые притоки Кура, которые нужно было пересечь на этом последнем отрезке пути. В случае многоводности пришлось бы преодолевать их в верховьях, что значительно удлиняло путь и ставило под угрозу намерение завершить его в этот день. Мы ещё могли надеяться на рябчиков, заниматься которыми у нас пока не было ни сил, ни времени, а на что было надеяться лошадям? Кругом – мох и багульник, прошлогодней травы почти нет.

Первый ручей оказался широким и неглубоким (можно было переходить в сапогах), с ровным дном, усеянным мелкой галькой. Когда я был уже на другом берегу, шедший за мной Гвардеец (как обычно, без повода) на середине ручья остановился, оглянулся на приотставших лошадей с жеребёнком, которых вели в поводу каюр с Виктором, тяжело вздохнул и продолжил переправу. Видно, и ему осточертели бесконечные переходы с урезаемой с каждым днём нормой овса.

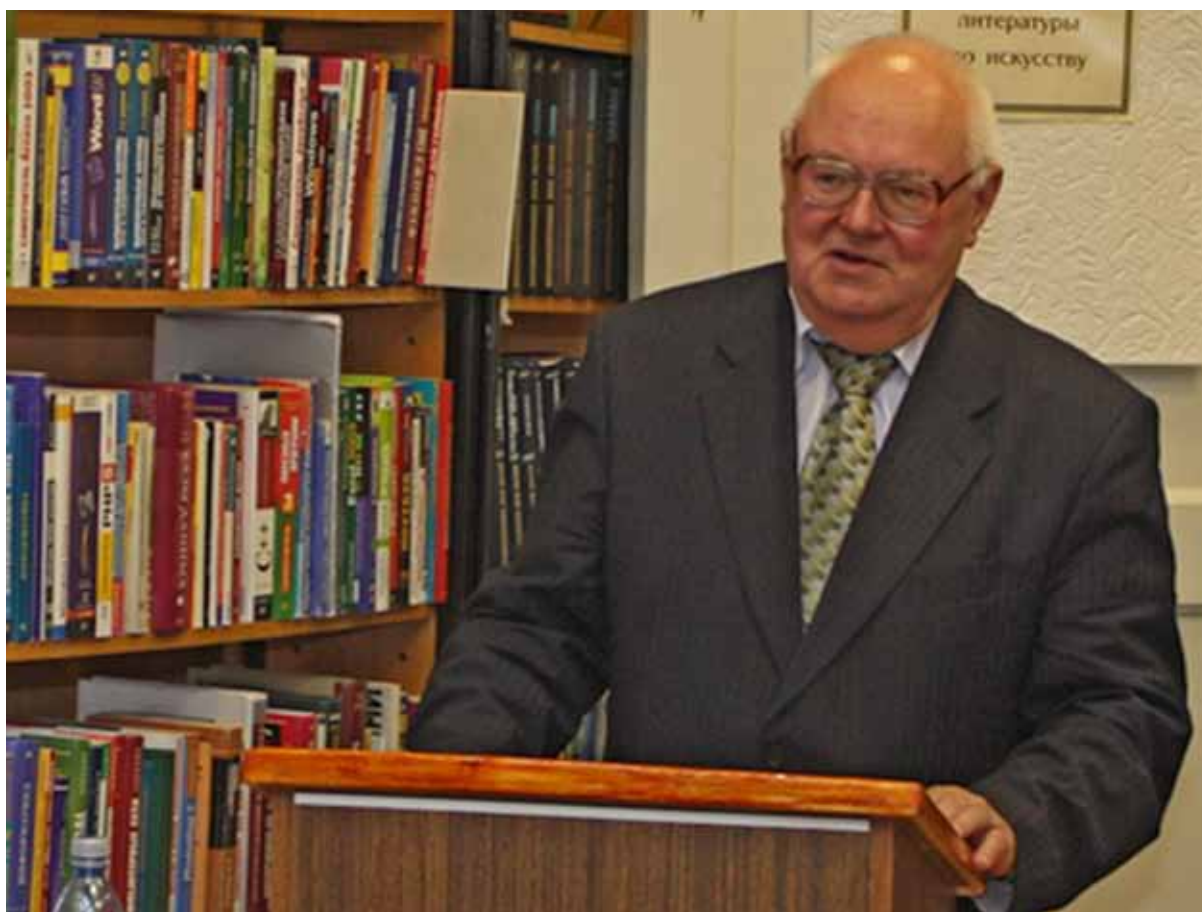
Следующий ручей был узким (метров пять) с медленной тёмной водой. Дно не просматривалось. Обследование ручья с помощью шеста дало малоутешительные результаты. Хотя его глубина (около метра) и малое течение не представляли опасности, но на всём обследованном участке берег почти отвесно уходил в воду, приемлемого места для спуска лошадей не нашлось. С людьми проблем не было: мы могли перейти ручей в нескольких местах по некогда могучим, но давно уставшим стоять и упавшим поперёк ручья деревьям. Пришлось поступить, как и при переправе через Кур: перейти по дереву через ручей, поймать переброшенную верёвку, привязать оставшийся у него конец к удилам самой дешёвой (из наличных) лошади-пенсии и столкнуть её в воду. Передние ноги лошади, коснувшись дна, подкосились, и она сунулась

мордой в воду. Но в тот же момент в ручей съехали её задние ноги, и голова с широко открытыми испуганными глазами показалась из воды. На берег она выбиралась как бы на коленках. Поднявшись на ноги, тут же упала на бок и затряслась. Думал, на этом её страдания в этой жизни и кончатся, но с моей помощью ей удалось подняться на ноги. Остальные лошади, более сильные и повыше ростом, особых хлопот не доставили, как и шустрый тонконогий жеребёнок, постоянно державшийся матери.

Третий ручей – последняя водная преграда на нашем пути – выдал нам амнистию за все предыдущие невзгоды и испытания, мы преодолели его с ходу, замочив сапоги по щиколотку. Выбравшись на террасу, поросшую редкими лиственницами, увидели вдалеке палатки – базу партии, конечный пункт маршрута. «Какое-то волнение» - произнёс за мною Виктор. «Слёзы в глазах?» – «Ага».

Осенью, после полевого сезона, мы собрались в Хабаровске и узнали, что из пяти партий, пытавшихся провести лошадей на базы, прошли лишь мы. Остальные на четвёртый-пятый день возвратились в Комсомольск-на-Амуре. На банкете, посвящённом возвращению очередной группы, во время рассказа участников о сложности пути и невозможности преодоления Мяо-Чана в это время года, кто-то заметил, что мы, мол, не вернёмся. И этот кто-то оказался прав. Мы не вернулись, мы дошли. Глядя на прошлое из сегодняшнего дня, невольно спрашиваешь себя, а стоило ли? Стоило!

КРАСОТКИН Игорь Сергеевич – горный инженер-технолог, кандидат технических наук, вузовский преподаватель химии, действительный член Кольского отделения Российского минералогического общества. Он не является профессиональным геологом, но упорно стремится в поле. В 1970-80 гг. – на Дальний Восток и в Южную Якутию, в последние годы – в тундру и тайгу земли кольской: п-ов Рыбачий, Большие Кейвы, Маягинский массив в Малых Кейвах. Он постоянный участник всех значимых мероприятий в общественной, культурной, научной жизни городов Кировска и Апатиты. – Ред.

Памятная записка

В конце мая 1964 г. автор, молодой преподаватель кафедры химии ЛГИ, был вторично направлен в командировку на вечерний факультет в г. Кировске для чтения лекций и проведения лабораторных занятий. Год назад подобная командировка прошла прекрасно. В свободные от занятий дни с небольшой, но сплочённой «группой товарищей» (термин СМИ 1950-х) удалось побывать в

ущелье Голубых озёр, на заброшенном молибденитовом руднике 1930-х Тахтарвумчорр, в ущелье Рамзая, долине Кукисвум, на оз. Пайкунъявр. Легко, свободно и стремительно шли мы по хибинским тропам, и снега в горах было совсем мало – начиная с конца мая 1963 г.

Естественно, и в 1964 г. было огромное желание продолжить знакомство с Хибинами, но прежних товарищей собрать не удалось: сидели по своим норам, занятые рутинными делами. Ну, что ж, и один в поле воин: спортивная подготовка на должном уровне, молодой энтузиазм присутствует, лишний вес отсутствует – вспомните себя в 24 года! Пойду один! А как же пресловутые правила техники безопасности? Одиночные маршруты в горах сопряжены с неприятностями – так утверждают инструкции и путеводители: непогода, туманы, снега, скалы, медведи и т.д. Мобильные телефоны в то время не снились и отчаянным оптимистам. Не беда – составим памятную записку! Как минимум надо указать план маршрута, состыковать его с картой, которую еще необходимо было с большим трудом добыть – Интернет, к удивлению нынешней молодёжи, тоже отсутствовал, даже во снах. Необходимо зафиксировать контрольные сроки возврата, чтобы при необходимости организовать поиски путешественника, пропавшего или просто заблудившегося в этих диких Хибинах.

Подобный документ был предусмотрительно оставлен на кухонном столе коллегам по преподавательскому общежитию и чудом сохранился в личном архиве автора (ведь прошло более полувека). Вот этот текст с авторскими примечаниями (рис. 1): «Иду через Ботсад – Перевал (имеется в виду морена, заросшая лесом, у южного подножья Кукисвумчорра, так её в те годы называли. – Авт.) – Куниок (прав. берег) – Рисйокский водопад – по правому (по течению, согласно орографическим правилам. – Авт.) берегу Куниока навверх (обратно) до впадения реки Петрелиуса – выше впадения перехожу Куниок – иду по правому берегу реки Петрелиуса – против перевала Чоргорр (Южный. – Авт.) – перехожу на левый берег и поднимаюсь до истоков реки Петрелиуса из озера в Юдычвумчоррском цирке – перевал между горами Юдычвумчорр и Петрелиуса (имеется ввиду перевал Петрелиуса Западный. – Авт.) – верховья реки Лутнормайок – ущелье Рамзая – долина Поачвумйок – Мал. Вудъявр – Ботсад. Предполагаемое возвращение (око-

иду через Байсад - Перевал -
 - Кукискок - Кушкок (прав. берег) -
 - Русскокекий Вадонад -
 - по правому берегу Кушкока
 наверх (обратно) до впадения
 реки Петремуса - выше
 впадения переходу Кушкок -
 - иду по правому берегу реки
 Петремуса - проидти перевале
 Горгорр переходу на левый
 берег и поднимаюсь до
 истоков реки Петремуса и
 впада в тодыквушгорском
 цирке - перевал между горам
 тодыквушгорр и Петремуса -
 - верховья долины Кутормайск -
 - ущелье Рамзад - долина
 Поаркушюк - Мал. Кудьвер -
 - Байсад.
 предполагаемое возвращение
 24 часов 24/5; возможно - 25/2
 крайний срок 6 час. 25/2

Возможно, придется возвращаться
 по долине Кукискок - Кушкок, если
 в районе центральных перевалов
 окажется много снега.
 Искраков

Рис. 1.

ло. – Авт.) 24 часов 24/V; возможное – 3 часа 25/V; крайний срок – 6 час. 25/V. Возможно, придется возвращаться по долине Кукисийок – Куниок (имеется в виду перевал Кукисвум. – Авт.), если в районе центральных перевалов окажется много снега. Подпись».

Посмотрим на карту Хибин (рис. 2) – вы потрясены? Я тоже (через 52 года!). Выход на маршрут был ранним – в 7 часов утра от ныне ликвидированной автобусной остановки «Камень». Следовательно, за 17 часов около 50 км виртуального пути через три горных перевала! И это со скудным продовольственным пайком (вспомните кировские магазины 1960-х). Зато отличной горной воды и великолепного горного воздуха – сколько угодно!.. Как восклицал М. Горький в «Песне о соколе»: «Безумство храбрых – вот мудрость жизни! Безумству храбрых поём мы песню!..». Ясная тёплая безветренная погода. Всё – в наших мускулистых руках и ногах! Но... увы! «Глобальное потепление» зимы 1963 г. сменилось «глобальным похолоданием» зимы 1964 г. – этого автор не учёл. Пришлось быстро спуститься с чудных хибинских небес на суровую хибинскую землю. Вся долина Кукусвум (рис. 3) была укрыта

Рис. 2.

Рис. 3.

рыхлым снегом. На каждом шагу мои короткие резиновые сапожки по колено уходили в белое месиво, и такого хода 10 км – наполеоновские планы как-то незаметно ушли в небытие. С трудом добрался до водопада на Рисйоке – увидел впервые это хибинское чудо природы (рис. 4). Короткий отдых, перекус. Что ж, достигнута точка возврата по уже пройденному пути – жизнь внесла свои весомые коррективы. Забудем о высоких перевалах – там, наверное, снега по уши! Отступление по долине Кукисвум из последних оставшихся сил. Внезапно меня догнали два рыбака-спортсмена, возвращающиеся в горняцкий посёлок 25-го км с оз. Пайкунъявр. Пристроился за ними, добрался до пресловутого «Камня»... автобус... Кировск... общежитие. Как указано в памятной записке, в 24 часа 25 мая – маршрут прошёл по сокращённому варианту, но контрольный срок выдержан! Хибинскими красотами сыт по горло, но поделиться восторгом с коллегами не удалось – они самозабвенно резались в преферанс... Что ж – каждому своё!

Фото: И.С. Красоткин, Интернет

Рис. 4.

Долгожданный трофей

Недавно, разбирая свой архив, я обнаружил подборку журналов «Химия и жизнь» за 1991 г. В №№ 8-10 неожиданно для меня были опубликованы отрывки из автобиографической повести А.М. Городницкого «И вблизи, и вдали». Их названия совпадают с его известными песнями: «Деревянные города», «Перекааты» и «Тени тундры», родившимися в геологических экспедициях на север Красноярского края в конце 1950-х. В № 8 помещена фотография А.М. с замечательной подписью: «Первый таймень, выловленный автором». Вероятно, это событие произошло в 1957 г., во время первого сибирского поля. Молодой, красивый, полный энтузиазма геолог и не менее красивый таймень, весом, на мой взгляд, 12-15 кг, уже лишённый всякого энтузиазма. Предлагаю снимок вниманию читателей.

Кейвские этюды

Рис. 1.

Для геологов снимки уникальных минералогических объектов – безусловно, редкие и ценные фото. Подобная удача сопутствовала сотрудникам Геологического института КНЦ РАН в полевом сезоне 2010 г. в Западных и Восточных Кейвах. На западе вездеходный маршрут привёл на вершину г. Берёзовая-2 – к скальному выступу (протяжением около 200 м и высотой до 15 м) гранатсодержащих кристаллических сланцев, исследованному М.Д. Вагаповой и Т.Н. Никольской в далёком 1933 г. Скалы снизу доверху усыпаны многочисленными идиобластами альмандина размером от ногтя до кулака – десятки тысяч кристаллов (рис. 1). Глаза разгорелись – надо отобрать представительный образец для Музея геологии и минералогии им. И.В. Белькова (рис. 2-3). Финальный аккорд – транспортировка образца к вездеходу бригадой высококвалифицированных такелажников: д.г.-м.н., два к.г.-м.н. и только один неостепенённый (рис. 4, слева направо: А.К. Шпаченко, А.С. Иванов, В.В. Котляров, Ю.Л. Войтеховский). В Восточных Кейвах, на

Рис. 2.

Рис. 3.

Рис. 4.

Рис. 5.

участке Нусса, на берегу миниатюрного ручейка, из ягеля выступала массивная субгоризонтальная плита со звездами тёмно-серого кианита диаметром до 10 см. Добыт очередной музейный экспонат (рис. 5-6). Ещё в 2007 г. полевой отряд КНЦ привёл на эту точку геолог А.А. Басалаев. С тех пор посещение уникального объекта превратилось в полевую традицию.

Много сил и времени зачастую тратят рыболовы-любители, чтобы добыть вожаделенные трофеи, а ещё необходима удача. А у геологов успешная рыбалка – заурядное событие, естественное полевое приключение. В начале июля геолог А.С. Иванов в ожидании стандартного завтрака (макарон с тушёной) собрал спиннинг на крыльце избы на 137-м километре Кейвской трассы и в одиночку вышел на речку Кульйок шириной около 20 м. Через 15 мин. вернулся, скромно и без эмоций, со щукой весом 6 кг (рис. 7). Отряду был обеспечен достойный и вкусный обед... А говорят: геологи – сплошь браконьеры, только сетками рыбу ловят. Не верьте!

В маршруте внезапно вышел из строя вездеход. Пришлось установить временный лагерь на краю обширного болота в ожида-

Рис. 6.

Рис. 7.

нии необходимой детали, заказанной в Апатитах по радиотелефону. В.В. Котляров и вездеходчик П.В. Пруснецов вели неторопливую беседу на бугорке, пронизанном лучами полуночного заполярного солнца. Их тени проектировались на скат маленькой палатки, где отдыхал А.С. Иванов. Неожиданно возник своеобразный театр теней: солнце – режиссёр, геологи – новоявленные актёры (рис. 8-9)...

Кейвские тундры – исконно саамская земля. В урочище Семиостровье её молчаливые хранители вполне благосклонно встречают пришельцев-геологов (рис. 10). А на вершине г. Макзапахк нас приветствовал очередной сейд (рис. 11).

Рис. 8.

Рис. 9.

Фото: И.С. Красоткин

Рис. 10.

Рис. 11.

МЕНГАЛЁВ Евгений Михайлович прибыл на Кольский Север из курских краев в 1975 г. по причине призыва на срочную службу. Отслужив и сменив военные погоны на милицейские, остался здесь. Более 20 лет ловил преступников, работал судьей в Печенгском суде, юристом Управления Росприроднадзора по Мурманской области, где и трудится руководителем в настоящее время. Со слов автора, написать этот рассказ его подвигли друзья («Полярка» 17.9.2008). В изданиях Геологического института КНЦ РАН, Кольского отделения и Комиссии по истории Российского минералогического общества публикуется впервые. – Ред.

Тайна золота саамов

Эту историю рассказал мне геолог Кобяков. Он долгое время работал в геологической партии «Северкварцсамоцветы». Искал цветные и поделочные камни, а также драгоценные металлы. Партия стояла в селе Ловозеро. В зимнее время, когда сезон полевых работ заканчивался и геологи разъезжались по домам, Кобяков оставался жить на геологической базе, расположенной на краю села.

Я иногда приходил к нему в гости посмотреть на камни из его большой коллекции и послушать увлекательные истории, связанные с их поисками. Кобяков родом с Урала, это крепкий, широкоплечий мужчина среднего роста, лет сорока, с открытым добродушным лицом. Семьи у него не было. Очарованный камнем, он всю жизнь посвятил бесконечному походу за все новыми минералами, пополняя свою коллекцию. Увлечение и стало его профессией.

Как-то зимним вечером, когда я был у него в гостях, он выдвинул стеллаж из огромного шкафа, где хранил коллекцию, и достал из коробки золотой самородок величиной с грецкий орех. Самородок был красив, я никогда не видел такого яркого желтого металла, он словно светился. Я спросил:

– Золото с Урала?

– Нет, здешнее, кольское.

– Юра! Но ведь таких самородков на Кольском полуострове никто не находил!

– И я его не находил. Хочешь узнать, как золото ко мне попало? - с какой-то грустью предложил он.

Я молча кивнул, рассматривая самородок.

– Золото у саамов было с давних времен, - присел на стул и начал свой рассказ Кобяков.

Легенда о таинственной золотой речке не давала покоя искателям приключений, а позже и нам, геологам, долго и безуспешно

пытавшимся найти золото. Хорошо берегли древние саамы свою тайну. Только посвященные знали дорогу к золоту, они и приносили самородки, когда случалась нужда у маленького народа. Саамы не украшали себя золотыми изделиями, не создавали из золота культа. Для них единственной ценностью и валютой на все случаи жизни был олень. Золото они использовали для приобретения дорогостоящих товаров или подкупа алчных чиновников.

Казалось, у доверчивого народа легко будет узнать сведения о золоте. Однако, как ни пытались жадные до золота люди, да и геологи, выведать у саамов их тайну, так и не смогли. Как золото появлялось у саамов? Кто его приносил? Никто точно сказать не мог. Не знали об этом даже вожди и шаманы, а именно к ним чаще всего и обращались люди, искавшие золото. Многие годы тайна оставалась тайной. Наши десятилетние поиски золота тоже оказались безуспешными, нашли лишь небольшие проявления...

Однажды зимой пришел ко мне Галкин Николай по кличке Шатун. Так прозвали его односельчане за нелюдимый нрав. В одиночку ходил охотник Николай по тундре, имел где-то в тундре избушку, личных оленей в колхозном стаде, добывал зверя, рыбу, так и кормился, семья у него в Ловозере жила. Я с ним в тундре во время экспедиций часто встречался, давал ему продуктов, соли. Он

приносил рыбу, мясо, жил у нас, геологов, в полевом лагере, сторожил его, когда все уходили в поле, отношения у меня с ним были хорошие.

Усадил я гостя на стул, чайник на плиту поставил. Сидим, чай пьем, разговариваем. Вдруг Николай как-то пристально и внимательно посмотрел на меня, полез в карман, достает этот самородок и кладет его на стол. Я онемел! Сижу, молчу, смотрю на самородок, глазами хлопаю и не верю им. Мы всей экспедицией уже десяток лет упираемся, это чертово золото ищем, найти не можем. А тут приходит человек и совершенно спокойно кладет на стол золотой самородок! Было от чего обалдеть! Николай спрашивает у меня:

– Скажи, геолог, что это за металл, на медь не похож, может, золото?

Я взял лупу, посмотрел, царапнул по фарфору, проверил кислотой. Галкин внимательно наблюдал за моими манипуляциями. Ошибки быть не могло – это было самородное золото. «Золото!» – выдохнул я.

Галкин утвердительно кивнул головой и стал говорить.

– Ты мог обмануть меня, необразованного охотника, но ты честный человек и сказал правду! Я знаю, что это золото! Это и есть то золото саамов, которое вы, геологи, так долго ищете. Наш

род Галкиных очень давно, с тех пор как люди себя помнят, нашел это золото, и с тех пор только наш род хранит тайну Золотой речки. От отца к сыну передается эта тайна. Сын дает клятву отцу о верности роду и святому месту. Никто и никогда не нарушил эту клятву, потому что при ритуале посвящения в тайну присутствует «Белый страж». Вы его называете «снежным человеком».

Когда пришло мое время, отец привел меня к Золотой речке. Отец по-особому кричал, вызывал «Белого стража» и, когда тот пришел, крикнул ему, что теперь я буду сторожить золото. «Белый страж» близко не подходил, я видел его издали, но сильно напугался, не мог говорить, и потом долго заикался. Отец две недели лечил меня в лесной избушке заговорами, поил травами, говорил, что и он при посвящении тоже испугался и онемел, месяц не мог говорить. Отец предупредил меня, что если я нарушу клятву, «Белый страж» найдет меня и убьет! С тех пор я уже больше десяти лет сторожу золото. Только посвященному разрешает «Белый страж» брать золото. Я, когда беру золото, всегда чувствую, что «Белый» за мной смотрит. А я за вами смотрю, как вы ищете золото.

Один раз ваши люди нашли его. Потому они пропали! А ведь я не трогал их. «Белый страж» надежно стережет золото саамов! Я всегда зову его, когда есть опасность для золота. Отец научил меня вызывать «Белого», а его дед научил. Я не смотрю на «Белого», нельзя ему в глаза смотреть, отец говорил, что разум потеряешь, если посмотришь. Я «Белого» боюсь. Это сама смерть! Сразу ухожу, когда он приходит. Он сам знает, что ему делать, он приходит всегда по моему зову и уходит, сделав свое страшное дело, а потом вы находите своих людей сошедшими с ума или не находите их совсем: они, потеряв разум, погибают, становятся добычей зверей. Я и есть страж золота саамов. Галкин замолчал и стал прихлебывать из кружки горячий чай. Я был поражен, молчу, а золотой самородок сверкает на столе.

– Ну а мне-то, Николай, зачем ты все это рассказал? Ты же нарушил свою клятву! – наконец нашелся я.

– Не ищи золото, начальник! Вы все погибнете! Не хочу брать грех на душу. Только ты, начальник, сможешь увести своих людей в сторону от Золотой речки, чтобы они напрасно не гибли. Уже трое людей у тебя пропали! Я дам тебе золота сколько попросишь. Не ищи Золотую речку, - повторил Галкин, - найдешь свою смерть!

– Помнишь, прошлым летом у меня в экспедиции пропали три геолога? - обратился ко мне Кобяков.

Я помнил эту странную трагическую историю, сам по роду профессии принимал участие в организации поисков. На поиски исчезнувших геологов мы поднимали много людей и авиацию: обнаруженная их стоянка носила следы поспешного бегства, словно людей кто-то сильно напугал. Поиски были длительными, но найти геологов так и не удалось.

– Я спросил Галкина, не знает ли он, что случилось с пропавшими геологами, не находил ли он в тундре их следов? - продолжил свой рассказ Кобяков. Галкин ответил:

– Я смотрел за ними. Когда они нашли Золотую речку, я позвал «Белого», это мой долг, я клятву давал! «Белый» пришел, напугал их. Они потеряли разум, побежали. Я два дня шел за ними, хотел их к людям вывести. Они нашли тушу убитого лося и сидели возле нее, ели сырое мясо. Медведь пришел и разорвал их, он всегда защищает добычу. Я в это время в стороне за диким оленем охотился, мяса хотел добыть. Когда услышал крики, прибежал, медведя застрелил, но уже поздно было, убил он их. Виноват я. Не уберег... Я похоронил их. Могу показать где...

Галкин замолчал. В комнате повисла напряженная тишина. Страшный рассказ Галкина, его неожиданное признание, золотой самородок и «снежный человек», неприкрытая угроза и настойчивые просьбы прекратить поиски золота ошеломили меня. Если

верить словам Галкина, то передо мной сидел невольный убийца моих людей. Если бы он не позвал «Белого», люди были бы живы. С другой стороны, как доказать его вину? Кто поверит в историю с «Белым». Ведь любая экспертиза подтвердит, что людей разорвал зверь! Молчали мы долго. Наконец я сказал Галкину:

- Николай, геологов надо забрать и похоронить по-человечески. Давай вернемся к этому разговору через два дня, мне надо подготовиться к зимней поездке в тундру. На вездеходе поедем.

Галкин согласился. Он встал из-за стола, кивнул головой на самородок и коротко сказал мне: «Дарю». Вот так самородок и оказался у меня. Через два дня Галкин не пришел. Я стал искать его. Спрашивал у родных, они мне отвечали, что он ушел в тундру и пока не вернулся. Больше я его не видел, вот уже полгода прошло, пропал человек. Родственники в милицию обратились. Пропал Галкин в тундре!

Кобяков закончил свой рассказ и молча сидел на стуле. «Юрий Степанович! – обратился я к нему, – Вы верите Галкину?». Кобяков мрачно ответил: «Трудно не поверить, когда доказательство у тебя перед глазами!» – указал он взглядом на самородок. Золото, равнодушное к человеческим страстям, сверкало на столе.

ЯКОВЛЕВ Юрий Николаевич (род. 15.01.1930). Окончил Ленинградский горный институт (1953). К.г.-м.н. (1962); ст. научный сотрудник. Работал участковым геологом в геологоразведочных партиях Магаданской обл. Проходил учебу в очной аспирантуре Ленинградского горного института. Работал ст. научным сотрудником Всесоюзного института методики и техники разведки в г. Ленинграде. В Геологическом институте КНЦ РАН работал с 1961 по 1994 гг. – зам. директора института, зав. лабораторией геологии рудных месторождений. С 1994 г. главный геолог НПЦ «Кольская сверхглубокая». Один из ведущих специалистов по изучению сульфидных медно-никелевых месторождений, рудной минерализации и всего разреза Кольской сверхглубокой скважины. В его работах содержатся исчерпывающие сведения об условиях нахождения, парагенезисах, физических свойствах и химическом составе большинства известных минералов медно-никелевых руд, обобщены данные о развитии рудной минерализации в породах всего разреза Кольской сверхглубокой скважины. За время работы в Геологическом институте опубликовал более 150 статей в научной периодике, из них 4 монографии. В литературном сборнике публикуется впервые– *Ред.*

Что я помню о Великой Отечественной войне 1941-45 гг.

Моей маме Ирине Феофановне Яковлевой посвящаю

По сути – помню я, наверное, немного, но мне кажется, что и немало, так как война прилась на окончание моего детства и начало отрочества. Это время я помню очень хорошо, даже второстепенные детали, не говоря уже о главных событиях. Но сначала несколько слов о том, где меня застала война. Я родился 15 января 1930 г., так что мне уже 86 (ужас!). Наша семья состояла из четырёх человек (мать Ирина Феофановна 1897 г.р., две сестры Александра 1924 г.р. и Нина 1927 г.р. Отец умер от туберкулёза лёгких в 1936 г. – случилось отравление газом на Западном фронте I мировой войны, где он воевал в российской армии.

Несколько слов о месте нашего проживания. Дом (стандартная пятистенка, как его тогда называли) стоял на западной окраине с. Новое, что в 50 км по большаку на запад от г. Твери, тогда Калинин. Южнее нашего дома, за Мельничным ручьём, когда-то находилась церковно-приходская школа, дом учительницы, церковь (разрушена в 1936-37 гг.), дом священника (разрушен ещё раньше), кладбище (погост) и руины помещичьего дома, с огромным барским садом, огороженным с западной и северной сторон большим рвом. Барский сад в моём детстве был любимым местом игр. Там иногда останавливались табором цыгане. Тогда здесь долго горели костры, раздавались песни, пляски, а мы, ребяташки, глазели на другую интересную жизнь.

Дальше в тексте я неоднократно упоминаю аббревиатуру А.А. – это Александра Александровна Иванова-Волкова, учительница Новской начальной школы, учившая меня первые 4 года. У А.А. интересная судьба: в молодости, в 1915-16 гг., она быластрой милосердия на русском Западном фронте, где в адских фронтовых условиях выучилась курить и курила всю жизнь, сама сворачивала аккуратные «козьи ножки». Её сын Константин ушёл служить в Красную Армию в 1939 г. и пропал без вести. Из нашего села на войну призвано более 30 человек, вернулось только двое инвалидов. А.А. была другом нашей семьи до самой смерти в 1969-70 гг.

Весной 1941 г. я окончил Новскую начальную и поступил в Микулинскую среднюю школу, что на южной окраине с. Микулино-Городище, в 3.5-4 км от нашего дома. Школа была большой, двухэтажной, пятые классы (два или три) располагались на первом этаже. Но проучились мы в этой школе всего 3 или 4 недели, потом нас отпустили домой «до особого распоряжения». Уже шла война, в ясные дни мы наблюдали группы немецких самолётов, летевших в 3-5 км от нашего села с запада на восток и обратно. Через село в августе 1941 г. проследовала колонна из 5-6 грузовиков с высокими кузовами, закрытыми брезентовыми чехлами. Позднее мы поняли, что это были «Катюши».

В самом конце сентября или начале октября пришли немцы. Накануне ночью в сторону Калинина прошла группа наших военных, один из которых остановился у нас на час-полтора. Мама спросила: «Что делать нам?» Он подумал и ответил: «Оставайтесь, мы скоро вернёмся». А утром, часов в 8, со стороны Микулино проехали два отряда мотоциклистов с пулемётами на боковых сиденьях, следом полилась сплошная река машин, мотоциклов, танков, повозок. В первых машинах солдаты разбрасывали конфеты, как оказалось – я поднял одну – из магазина в Микулино.

Необходимое отступление: когда я учился в 5 классе Микулинской школы, мы с ребятами часто заходили в клуб, находившийся в одной из микулинских церквей. Там была хорошая библиотека, иногда демонстрировались звуковые фильмы. Здесь я посмотрел «Александра Невского» с гибелью псов-рыцарей на льду Чудского озера. И ещё: в июле или в августе ночью на поле в д. Царёво приземлился наш самолет – наверное, из Илов – он совершил вынужденную посадку и повредил шасси. Лётчики долго ремонтировали его, но опоздали подвезти горючее, и самолёт достался немцам. Потом его провезли по селу, и немцы кричали: «Рус, Рус!».

Теперь по порядку. Началась жизнь в оккупации. Подавляющая часть немцев просто не обращала на нас внимания – как будто нас нет. Но отдельные категории солдат запомнились надолго. Одна группа немцев затеяла спектакль: сделали помост из досок на кухне (сцену) и пели: «Вольга, Вольга, муттер майне». Другая группа – они сменяли друг друга каждые 4-5 дней – громко пукала во время обеда, чем ввергала в замешательство нашу мать. Надо сказать, что в армии вермахта была жёсткая дисциплина. В прифронтовой полосе солдатам запрещалось брать у населения продукты, они питались своими консервами. Поэтому все клише нашей военной пропаганды – «Матка, курка! Матка, яйки!» – не верны. Другое дело – солдаты-возчики. Это были нерегулярные части, и солдаты другой национальности, венгры или румыны, лопотали на непонятном языке. Вот это уже были вечно голодные мародёры, выметавшие из домов всё съестное. Поэтому нам, мальчишкам, положено было следить – как появятся повозки, бежать домой и убирать всю еду. Лишь один офицер, живший у нас дней 10, требовал к обеду большую кружку молока, а перед отъездом продал нашу корову какому-то приятелю в тылу. Мама бросилась к старосте села. Им оказался наш односельчанин, бывший в 1916-1918 гг. в плену у немцев и сохранивший знание немецкого языка. Он посоветовался с кем-то из немцев и сказал маме: «Не беспокойтесь, корову не отберут, так как мы находимся в прифронтовой зоне».

Ещё пара эпизодов, которые произвели очень тягостное впечатление на нас, мальчишек, и взрослых женщин. На второй день после прихода немцев откуда-то со стороны огородов вышел наш боец с винтовкой, подошёл к группе немцев и сказал: «Сдаюсь, конец войне». Один из немцев взял у него винтовку, щёлкнул за-

твором, вынул патроны. Потом снял с него патронташ, ремень и оттолкнул в сторону. Солдата куда-то увезли. А мы с ребятами через несколько дней видели группу наших бойцов, которые берегом реки пробирались на восток, в сторону фронта.

Дней через 10 немцы гнали через село колонну наших пленных – человек 50-60. Они шли на запад, по четыре человека в ряд, охраняли их по 2 немецких автоматчика с каждой стороны. Пленные шли молча, не глядя на ребяташек и женщин. Немцы тоже молчали. Хозяйки быстро сунули в руки ребяташкам вёдра с варёной картошкой, хлебом и т.д. Ребята обогнали колонну и на обочине выставили еду. Конвоиры не препятствовали, и пленные быстро разобрали всё до крошки.

Наступавшая армия вермахта двигалась по шоссе, избегая грунтовых дорог, поэтому можно было спокойно ходить в стороне от шоссе в соседние деревни. Как-то я возвращался домой из соседней деревни Песково. На окраине немец с автоматом спрашивает: «Куда идёшь?». Отвечаю: «Домой». «Откуда?» «Из Песково». «Партизан?» «Нет!». Мне было 11 лет, вполне мог быть связным у партизан. Но в нашей округе партизан не было. Немец посмотрел по карте и отпустил.

В середине октября 1941 г. нас бомбила наша авиация. В небе появился самолет с красными звёздами, летел со стороны Кали-

нина. Его сопровождал с правой стороны немецкий истребитель, они перестреливались, гильзы сыпались на землю. Я побежал по огороду к окопу, который вырыли около сарая на пару с соседями. Вдруг раздался сильный взрыв, я кинулся на землю. Из окопа меня звали криками, я прибежал, а потом всё время выглядывал – что же произошло? Оказалось, наш самолёт сбросил несколько бомб, одна взорвалась в 50-70 м от нашего дома, около амбара соседей. Немецкие машины не пострадали, хотя их было много, а у нас и соседей выбило стёкла в окнах, которые мы заделали тесинами. Выяснилось, что самолет сбросил 5-6 бомб, из них взорвались только 2, остальные лежали в картофельных бороздах. Наверное, самолет летел слишком низко, что помешало бомбам разорваться.

И еще одно событие октября 1941 г. В село, на восточную окраину, привезли нашего пленного танкиста. Немцы его допрашивали и расстреляли на поле, недалеко от домов. Очевидно, он ничего им не сказал. Наши женщины через старосту попросили у немцев разрешения похоронить его на месте расстрела, те разрешили. А.А. забрала из гимнастерки его документы и отнесла их за 20 км в Турчиново, чтобы отправить весточку родным. Но в Турчиново было полное безвластие, все учреждения сбежали, документы были отправлены лишь после их возвращения в 1942-43 гг.

После войны танкиста перезахоронили в д. Люшино в братской могиле. А потом я узнал, что этот танкист в составе танкового взвода (3 танка) был направлен в разведку из расположения наших войск в районе Завидово. Танки беспрепятственно прошли до Волоколамского шоссе и здесь вступили в бой с немецкими частями. Два танка были подбиты (танкист был из одного из них), третий помчался к Калинину, навёл панику среди немцев и по мосту через Волгу пробился к нашим. Здесь его встретили артиллерийским огнём, но не подбили, и танкисты привезли важные донесения.

Среди немцев были порядочные врачи. Они жили у нас 10-12 дней и вылечили матери руку – воспаление пальцев. Врачи сделали ей операцию, тщательно обработали и забинтовали рану. В декабре 1941 г. один из них возвращался с фронта и зашёл навестить маму – рука зажила. Мама спросила, дошли ли они до Твери. Оказалось – дошли до д. Починки, что 20-25 км от Калинина.

Снова маленькое отступление. Когда я после войны рассказал в Кольском филиале АН СССР, что немцы были разные – мне не поверили, и я зарёкся об этом рассказывать. Пребывание на оккупированной территории аукнулось мне в 1950-51 гг., когда я студентом ЛГИ оформлялся на первую производственную практику. С группой из 5-7 студентов я подал заявление в Сосновскую экспедицию (там прилично платили), но меня отчислили из-за пребывания в оккупации. И я решил больше нигде не трепаться об этом, хотя в анкетах всегда указывал.

Время оккупации подходило к концу. Немцы уже ехали не на восток, а на запад, но в гораздо меньшем количестве. Нам приказали собраться и ехать вместе с немцами. У нас как-то оказалась лошадь с санями. Мы погрузили свои пожитки и вместе с отступающими поехали на запад. Но проехали всего с полкилометра и около бывшей барской усадьбы свернули к церкви. Нас никто не остановил, односельчане поехали и пошли вслед за нами. Мы все расположились в доме учительницы А.А. и школе. А вечером было незабываемое зрелище: горело наше подожжённое немцами село и ближайшие 5-6 деревень. Было светло, как днём. А с огородов нашего села и из-за реки всю ночь вела огонь немецкая артиллерия в сторону Калинина и Пушилина – там повредили колокольню церкви. Два немца-поджигателя с канистрой шли к школе, которая стояла на отшибе от горящего села, но сбились с тропинки, попали

в трясину на изгибе Мельничного ручья и вернулись восвояси. Так сохранились школа и дом А.А. Наутро мы пошли к своим пепелищам – проверить, не сохранилась ли картошка в подпольях, но сгорело всё.

И вдруг мы увидели двух военных в маскхалатах, которые ехали на лошадях в сторону Микулино. Это была наша разведка. Потом пошли лыжники. Из Микулино ударил пулемёт, лыжники быстро залегли, но тревога оказалась ложной, и они пошли дальше. А у нас началась жизнь погорельцев. В школе и доме А.А. соорудили двухъярусные нары, и все разместились. Нашей семье достались часть нар на втором этаже в доме А.А. Круглые сутки горели костры, женщины что-то варили из зерна, которое заработали при немцах. Но к весне зерно кончилось. Мы с ребятами нашли сарай с мёрзлой капустой на берегу р. Шоши в д. Царёво. Но каждый из нас смог унести только по два кочана. Сходили два раза, а на третий сарай опустел – всё растащили местные. Капусту мама парила на костре, она была очень вкусной, сладкой.

С приходом весны стали собирать побеги крапивы, столбунцы на полях, потом появился щавель и другие травы – всё шло в пищу.

В соседней д. Сивцево нашли несколько невыкопанных борозд картофеля. Я накопал узелок мёрзлой картошки, мама промыла её в ручье – получилось с килограмм крахмала. Мама варила из него кисель. Благо у нас сохранилась корова, которая была голодной, но давала немного молока. А поздней весной отобрали 6-8 человек нас, 12-14-летних «мужиков», и под руководством хромого мастера, приехавшего из Микулино, мы стали возить битый кирпич разрушенной церкви на дорогу, разбитую немецкой техникой. В день успевали сделать 9-10 рейсов, но за лето восстановили дорогу, в том числе прокопали придорожные канавы, которые выполнили впервые по шаблону. Надо сказать, что построенный нами участок дороги (около 0.5 км) оказался долговечным, по нему в конце 1950-х положили асфальт от Микулино до Калинина.

А в сентябре 1946 г. я снова пошёл в 5 класс Микулинской школы, но уже в здании бывшей начальной в северном конце села. Учиться было легко, хотя и голодно. С апреля прибавилась обязательная копка земли по 1-2 сотки на человека под будущий урожай. Учились мы во вторую смену, с утра копали землю. Летом нас организовали в строительную бригаду под руководством вернувшегося без ноги Михаила Горелова, имевшего повозку с быком. Дело в том, что в первые годы после оккупации быки были основной тягловой силой в деревне – на них пахали, бороновали, копали картошку и т.д. Хотя упрямые – жуть! Однажды мы со старшей сестрой Шурой поехали в горельник за дровами. Но пока готовили дрова, бык оборвал верёвку и побежал домой. Я не смог его догнать.

Мы, ребята 15-16 лет, рубили жерди в горельнике, а Михаил отвозил их на место будущей изгороди. В тот же год летом нас стали учить косить траву – надо было готовить сено для быков и сохранившихся коров. Выучили так, что я до сих пор не разучился. Но в сенокос – сплошная морока: вставать в 3-4 часа утра, потом 4-5 часов покос, отдых до 11 часов и снова – траву ворошить, сушить, скирдовать в копны и т.д. Кончался сенокос – начиналась косьба ржи и пшеницы, потом овса и клевера. Затем – обмолот зерновых, хотя появились молотилки и веялки. Но находилось время и для забав – походов за грибами, рыбалки и купанья. Однажды в ненастную погоду мама пошла со мной в большой лес за реку. Она

показала мне грибные места, я их запомнил и потом несколько лет водил туда приятелей – и ни разу не заблудился!

Надо рассказать и про память войны: подрывы ребят на минах, снарядах и т.п. В селе погибли двое моих сверстников – Шура Кочеров и Толя Волков. Шура взялся ковырять невзорвавшийся капсюль, тот рванул, погибли Шура и Толя, остальные были ранены. Так было почти в каждой деревне, но самый страшный для меня случай произошел в конце войны. Я учился в 7 классе, у нас была консультация перед экзаменом. Вдруг недалеко от школы раздался взрыв. Весь класс побежал к месту происшествия: 4 убитых мальчика, столько же раненых. В одной семье погибли сразу 3 брата – восьми, шести и двух лет. У матери не осталось никого – только муж на фронте.

Но идём дальше. Я закончил 7 класс Микулинской школы, встал вопрос – что дальше? На семейном совете решили, что мне надо ехать в Москву и поступать в техникум, чтобы быстрее приобрести специальность и не сидеть на шее у матери. В Москву я поехал со старшей сестрой Шурой, и остановились у маминой сестры Анны – их семья недавно получила двухкомнатную квартиру в районе ВДНХ. Мы сразу отправились по самым известным техникумам, но всюду получили отказ – общежитий нет. У родственников – 5 человек в двух комнатах. Сестра уехала в Калинин, а я пошёл ещё в один техникум – с тем же результатом. И поехал домой, до Клина с билетом, далее без него – не было денег. В Калинин встретил сестру, и вместе мы вернулись домой. На новом семейном совете решили – я пойду в 8 класс в Ферязкинскую школу, что в 7-8 км от нас. Там я закончил 8 и 9 классы, а в 10 поступил в Тургеновскую среднюю школу, в 22 км от нас. Там нашли место в квартире, где, кроме меня, жили ещё две девчонки. Каждую субботу я уходил домой за продуктами, а в понедельник приходил к началу занятий. Учиться было легко и весело, появились приятели, народ оказался дружелюбный и весёлый. К экзаменам готовились втроём: Коля Крючков, Саша Степанов и я. Как-то в газете нашли объявление о приёме в различные институты. Мы втроём решили поступать в Ленинградский горный институт. Но это было уже после войны.

Война закончилась 9 мая 1945 г. Утром 10 мая к нам на коне прискакал нарочный из сельсовета и громко объявил – войне конец! Собрались всем селом около нашей избышки. Дело в том, что

мы последними покинули дом А.А. – она готовилась восстанавливать начальную школу. Наш хороший амбар и сарай сгорели при отступлении немцев. Нам досталось старое здание – продуктовый лабаз, так как все лучшие строения были разобраны. В новом доме старик Кочеров прорубил окно, вставил раму и сделал опечек – основание для русской печи, которую сложил мастер из соседней деревни. На общем собрании бабы решили, что Победу надо отметить! Старики сделали большие столы и сиденья в центре села. Безногого Михаила с повозкой отправили к лесному пруду гнать самогон. Вина не было, а какой праздник без выпивки? Женщины напекли пирогов. Праздник получился шумный, но печальный – далеко не все мужики вернулись домой. Нам, молодой бригаде, приготовили сладкого вина – мы отведали его впервые. Гуляли долго, но плясок не было – пели грустные песни. Так для меня закончилась война.

Упомянул о пирогах, и сразу вопрос – а где взяли муку? У многих были домашние мельницы. Я посмотрел некоторые и решил – сделаю сам. Около нашей избушки росли две большие ели. Мы с сестрой свалили одну и отпилили две большие чурки длиной 40-50 см. В середину нижней я вбил стальной стержень (железок кругом

было полно), в верхней для него просверлил отверстие, там же сделал аккуратную круглую выемку, приколотил ручку. Сверху нижней и снизу верхней части мельницы набил рядами от центра чугунных осколков, благо горелых чугунок было достаточно. Несколько дней подряд крутил верхнее звено, чтобы притёрлись чугунные площадки. Мельница получилась хорошая, она служила нам много лет, когда мама готовила пиво и нужно было молотить солод.

И ещё одно событие. Когда мы оборудовали избушку в середине села, корова оставалась во дворе у А.А. Она там нализалась каких-то химикатов. И её пришлось зарезать, а мясо продать в Калининне. Так у мамы появился исходный «капитал» для строительства нового дома, который мы построили через 7 лет и окончательно переехали, когда я уже учился в ЛГИ. Крышу покрыли дранкой только в 1950 г., а двор оборудовали на следующий год.

Последующие события моей жизни, уже не имеющие отношения к войне. В 1949 г. я поступил в ЛГИ, который окончил в 1953 г. и по распределению с группой в 6-7 человек был направлен в Дальстрой. Свадьбу с Антониной Константиновной Анисимовой сыграли в новом доме в с. Новое – и поехали в Магадан. В сентябре 1953 г. доехали за 8 дней поездом до Хабаровска, а дальше за 3 дня самолётом с пересадкой до Магадана. Там наших ребят оказалось 6 или 7 человек – все ждали направления. Через неделю нас с А.К. направили в Средне-Колымское управление, пос. Ягодный, что в 1500 км на запад по трассе, оттуда – назад на 100 км в пос. Бючанчех на берегу Колымы, на россыпи. Там мы прожили более 2.5 лет и вернулись в с. Новое втроём, с сыном Сергеем. Затем в Ленинграде я окончил аспирантуру у П.М. Татарина, А.К. – у Д.П. Григорьева. Потом была работа в Геологическом институте КФ АН СССР, с 1995 г. – на Кольской сверхглубокой скважине СГ-3, наконец, с 2005 г. – на пенсии. Вот и вся жизнь!

4 августа 2016 г.

Содержание

От редактора	3
<i>Ю. А. Войтеховский</i>	
Ветру и солнцу брат	5
<i>А. А. Жамалетдинов</i>	
Полевая подруга моя Марго и байки о ней	24
Байки о Марго	28
Крысы	28
«Берегите М'арго!»	28
Авитаминоз	29
Голубь	29
Бедлингтон – терьер.	29
<i>Н. Н. Карпов</i>	
По диким степям Забайкалья.	31
<i>Е. А. Кореньков</i>	
И нет пути назад	44
<i>И. С. Красоткин</i>	
Памятная записка	52
Долгожданный трофей	58
Кейвские этюды.	59
<i>Е. М. Менгалёв</i>	
Тайна золота саамов.	64
<i>Ю. Н. Яковлев</i>	
Что я помню о Великой Отечественной войне 1941-45 гг. . .	72

Геологический институт КНЦ РАН
Кольское отделение РМО
Комиссия по истории РМО

Седя природою наполнив...

Литературный сборник

Некоммерческое художественное издание

Тираж 50 экз.

Отпечатано в ОАО К & М

184209 г. Апатиты Мурманской обл., ул. Ферсмана, 17 а

Тел. / факс (81555) 77329

